

I. КОНСТИТУЦИОННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Должиков А. В. Конституционный принцип соразмерности: междисциплинарный подход // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 47. С. 6–27. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-6-27.

Dolzhiikov A. V. *Konstitutsionnyy printsip sorazmernosti: mezhdistsiplinarnyy podkhod* [The Constitutional Principle of Proportionality: an Interdisciplinary Approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 47. Pp. 6–27. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-6-27.

УДК 340.115.4; 340.115.5; 342.72/.73; 340.131.5

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-6-27

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП СОРАЗМЕРНОСТИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

А. В. Должиков

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного права

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

ORCID: 0000-0001-8866-8993

ResearcherID: J-4829-2014

E-mail: a.dolzhikov@spbu.ru

Поступила в редакцию 03.11.2019

Введение: соразмерность является объектом изучения различных областей знания. Каждая из дисциплин обращает внимание лишь на отдельные проявления данного феномена. Нельзя смешивать общенаучные и юридические аспекты соразмерности. Однако междисциплинарный подход позволяет выйти за рамки сугубо формально-юридической методологии и увидеть новые грани соразмерности. **Методы:** в работе выдвигается аргумент, что исключительно догматический метод в юридических исследованиях не способен разрешать комплексные социальные проблемы, включая сложнейший вопрос согласования публичных и частных интересов. В работе междисциплинарный метод используется для более глубокого анализа конституционного принципа соразмерности. **Цели и задачи:** междисциплинарный анализ соразмерности имеет не только теоретические цели, но и прикладные задачи. Поэтому предпринята попытка увязать междисциплинарный подход с практикой конституционного правосудия. В соответствии с такой целью в работе решаются три основных задачи. Первая часть работы направлена на выявление существенных характеристик конституционного принципа соразмерности. Для этого автор обращается к философии, логике, психологии и этике. Во второй части работы идея соразмерности анализируется с использованием наработок языкознания. Его достижения имеют прикладное значение при толковании соразмерности в делах о защите конституционных прав. В третьей части соразмерность рассматривается в эко-

© Должиков А. В., 2020

I. CONSTITUTIONAL, ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL LAW

Information for citation:

Dolzhiikov A. V. *Konstitutsionnyy printsip sorazmernosti: mezhdistsiplinarnyy podkhod* [The Constitutional Principle of Proportionality: an Interdisciplinary Approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 47. Pp. 6–27. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-6-27.

UDC 340.115.4; 340.115.5; 342.72/.73; 340.131.5

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-47-6-27

THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY: AN INTERDISCIPLINARY APPROACH

A. V. Dolzhikov

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russia

ORCID: 0000-0001-8866-8993

ResearcherID: J-4829-2014

E-mail: a.dolzhikov@spbu.ru

Received 03.11.2019

Introduction: proportionality is an object of study in various fields of knowledge, with each discipline only focusing on particular aspects of this phenomenon. General scientific and legal aspects of proportionality are not to be mixed up. However, the interdisciplinary approach allows going beyond a strictly formal (legal) approach and seeing new dimensions of proportionality. **Methods:** the author argues that the application of an exclusively dogmatic approach in legal research is not capable of solving the complex issues of society, including the most difficult problem of balancing public and private interests. Therefore, in this paper, interdisciplinary methodology is used to provide a deeper analysis of the constitutional principle of proportionality. **Purpose:** interdisciplinary analysis of proportionality is geared not only to theoretical goals but also to applied tasks. In this regard, an attempt was made to link the interdisciplinarity approach with the judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. In accordance with this goal, the study is to solve three main tasks. The first part of the paper aims to identify the essential characteristics of the constitutional principle of proportionality; the author refers to philosophy, logic, psychology and ethics. In the second part, the idea of proportionality is analyzed through the prism of linguistics. Linguistic aspects are important when interpreting proportionality in its judicial sense in cases on the protection of constitutional rights. The third part analyzes proportionality in such fields as economics, sociology and political science from the perspective of finding a possible balance between constitutional rights of individuals and public interests. **Results:** the author justifies that only interconnection of various aspects of the interdisciplinary approach is meaningful in the analysis of proportionality. Each of the aspects cannot be applied separately. **Conclusions:** in constitutional adjudication, a combination of various interdisciplinary approaches is necessary depending on the circum-

© Dolzhikov A. V., 2020

номике, социологии и политологии с точки зрения возможного согласования конституционных прав частных лиц с публичными интересами. **Результаты:** аргументируется взаимосвязь различных проявлений междисциплинарности в анализе принципа соразмерности. Каждый из них не может применяться по отдельности. **Выводы:** в конституционном судопроизводстве необходима комбинация различных междисциплинарных подходов в зависимости от обстоятельств дела. Кроме того, такой вывод не должен отрицать ценности юридической догматики применительно к соразмерности. Последняя тема заслуживает дальнейшего исследования.

Ключевые слова: принцип соразмерности; конституционные права; конституционное правосудие; междисциплинарный подход

THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY: AN INTERDISCIPLINARY APPROACH

A. V. Dolzhikov

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russia

ORCID: 0000-0001-8866-8993

ResearcherID: J-4829-2014

E-mail: a.dolzhikov@spbu.ru

Received 03.11.2019

Introduction: proportionality is an object of study in various fields of knowledge, with each discipline only focusing on particular aspects of this phenomenon. General scientific and legal aspects of proportionality are not to be mixed up. However, the interdisciplinary approach allows going beyond a strictly formal (legal) approach and seeing new dimensions of proportionality. **Methods:** the author argues that the application of an exclusively dogmatic approach in legal research is not capable of solving the complex issues of society, including the most difficult problem of balancing public and private interests. Therefore, in this paper, interdisciplinary methodology is used to provide a deeper analysis of the constitutional principle of proportionality. **Purpose:** interdisciplinary analysis of proportionality is geared not only to theoretical goals but also to applied tasks. In this regard, an attempt was made to link the interdisciplinarity approach with the judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. In accordance with this goal, the study is to solve three main tasks. The first part of the paper aims to identify the essential characteristics of the constitutional principle of proportionality; the author refers to philosophy, logic, psychology and ethics. In the second part, the idea of proportionality is analyzed through the prism of linguistics. Linguistic aspects are important when interpreting proportionality in its judicial sense in cases on the protection of constitutional rights. The third part analyzes proportionality in such fields as economics, sociology and political science from the perspective of finding a possible balance between constitutional rights of individuals and public interests. **Results:** the author justifies that only interconnection of various aspects of the interdisciplinary approach is meaningful in the analysis of proportionality. Each of the aspects cannot be applied separately. **Conclusions:** in constitutional adjudication, a combination of various interdisciplinary approaches is necessary depending on the circumstances of the case. Such a conclusion should not deny the value of legal dogmatics in application to the proportionality analysis. However, the latter topic deserves further research.

Keywords: proportionality principle; constitutional rights, constitutional adjudication; interdisciplinary approach

tances of the case. Such a conclusion should not deny the value of legal dogmatics in application to the proportionality analysis. However, the latter topic deserves further research.

Keywords: proportionality principle; constitutional rights, constitutional adjudication; interdisciplinary approach

Information in Russia

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП СОРАЗМЕРНОСТИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

A. V. Dolzhikov

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного права

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

ORCID: 0000-0001-8866-8993

ResearcherID: J-4829-2014

E-mail: a.dolzhikov@spbu.ru

Поступила в редакцию 03.11.2019

Введение: соразмерность является объектом изучения различных областей знания. Каждая из дисциплин обращает внимание лишь на отдельные проявления данного феномена. Нельзя смешивать общенаучные и юридические аспекты соразмерности. Однако междисциплинарный подход позволяет выйти за рамки сугубо формально-юридической методологии и увидеть новые грани соразмерности. **Методы:** в работе выдвигается аргумент, что исключительно догматический метод в юридических исследованиях не способен разрешать комплексные социальные проблемы, включая сложнейший вопрос согласования публичных и частных интересов. В работе междисциплинарный метод используется для более глубокого анализа конституционного принципа соразмерности. **Цели и задачи:** междисциплинарный анализ соразмерности имеет не только теоретические цели, но и прикладные задачи. Поэтому предпринята попытка увязать междисциплинарный подход с практикой конституционного правосудия. В соответствии с такой целью в работе решаются три основных задачи. Первая часть работы направлена на выявление существенных характеристик конституционного принципа соразмерности. Для этого автор обращается к философии, логике, психологии и этике. Во второй части работы идея соразмерности анализируется с использованием наработок языкознания. Его достижения имеют прикладное значение при толковании соразмерности в делах о защите конституционных прав. В третьей части соразмерность рассматривается в экономике, социологии и политологии с точки зрения возможного согласования конституционных прав частных лиц с публичными интересами. **Результаты:** аргументируется взаимосвязь различных проявлений междисциплинарности в анализе принципа соразмерности. Каждый из них не может применяться по отдельности. **Выводы:** в конституционном судопроизводстве необходима комбинация различных междисциплинарных подходов в зависимости от обстоятельств дела. Кроме того, такой вывод не должен отрицать ценности юридической догматики применительно к соразмерности. Последняя тема заслуживает дальнейшего исследования.

Ключевые слова: принцип соразмерности; конституционные права; конституционное правосудие; междисциплинарный подход

Введение

Господствующий в отечественном правоведении позитивизм препятствует учету внеюрисдикционных факторов в конституционализме. В этом смысле он противостоит междисциплинарному подходу в юриспруденции и его отдельным разновидностям (экономический анализ права, критические юридические исследования, социологическая юриспруденция и др.). В последнее время такой подход получает поддержку среди российских конституционалистов [31].

Соразмерность в наиболее общем смысле представляет собой принцип, который требует согласования конфликтующих между собой конституционных прав частных лиц и противостоящих им публичных ценностей. В современной доктрине и судебной практике обычно выделяется 3–4 элемента данного принципа, в том числе требования легитимной цели, пригодности, необходимости и баланса интересов [68]. При этом абстрактность текста любого Основного закона не позволяет полагаться исключительно на формально-догматический подход в анализе принципа соразмерности. Неизбежное усмотрение конституционных судей, особенно на стадии взвешивания частных и публичных интересов, определяет внимание к внеюрисдикционным аспектам соразмерности.

Восприятие данного принципа в конституционном праве России и практике Конституционного Суда РФ является ярким примером миграции идей в современном глобальном конституционализме. При этом сравнительно-правовой анализ конституционного принципа соразмерности невозможен вне междисциплинарного подхода. В этой связи можно согласиться с профессором Гумбольдтского университета г. Берлина А. Бланкенагелем в том, что сравнительное конституционное право «по своей сути имеет междисциплинарный характер!» [4, с. 52]. В процессе заимствования конституционного принципа соразмерности нужно учитывать ряд внеюрисдикционных факторов современного российского права (социалистическую традицию, политическую идеологию, особенности аргументации, отношение в обществе к коллективным интересам и др.). Поэтому без должного учета социального контекста нельзя понять модель соразмерности, которая сложилась в конкретном правовом порядке.

Междисциплинарный подход в анализе соразмерности находит применение в практике отечественного конституционного правосудия. Так, Конституционный Суд РФ иногда обосновывает собственные выводы ссылкой на социальные последствия законодательного ограничения конституционных прав, в том числе права на свободу и личную неприкосновенность (постановление от 16 июля 2015 г. № 23-П¹, Определение от 15 мая 2002 г. № 164-О²); свободы совести (определение от 9 апреля 2002 г. № 113-О³); права на жилище (постановление от 15 июня 2006 г. № 6-П)⁴, права на пенсионное обеспечение (постановление от 14 января 2016 г. № 1-П⁵).

Оценка Конституционным Судом РФ юридических последствий имеет значение для исполнения его решений в случае выявления законодательного пробела в конкретном деле. Так, в постановлении от 13 июня 1996 г. № 14-П подчеркивалось, что в результате признания оспариваемой нормы неконституционной не исключены «определенные отрицательные социальные последствия, Конституционный Суд Российской Федерации считает необходимым использовать процедуру отсрочки исполнения решения по настоящему делу, с тем чтобы законодатель в надлежащий срок принял меры, обеспечивающие баланс интересов правосудия и прав граждан»⁶. Данный пример хорошо демонстрирует реализм стража российской конституции в учете социальных последствий своих решений и их взаимосвязь с достижением баланса интересов, а значит, соблюдением принципа соразмерности.

Следовательно, конституционная юстиция не находится в позитивистском «вакууме». Конституционные судьи признают наряду с законоположениями их широкий внеюрисдикционный контекст современного общества. Учет Конституционным Судом РФ социальных и иных неправовых факторов можно условно обозначить как междисциплинарный способ толкования конституционных норм. Далее следует рассмотреть систему междисциплинарных аспектов принципа соразмерности.

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 30, ст. 4660.

² Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 1.

³ Там же. 2002. № 6.

⁴ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26, ст. 2876.

⁵ Там же. 2016. № 4, ст. 551.

⁶ Там же. 1996. № 26, ст. 3185.

Introduction

Positivism prevailing in Russian legal academia prevents the inclusion of extra-legal factors in constitutional adjudication. In this sense, it opposes the interdisciplinary approach in jurisprudence and its particular varieties such as economic analysis of law, critical legal studies, sociological jurisprudence, etc. Recently, this approach has been receiving support among Russian scholars [31].

In its most general sense, proportionality is a principle that requires the coordination of conflicting constitutional rights of individuals and opposing public values. In modern doctrine and case law, there are usually distinguished three or four elements of this principle, including the requirements of a legitimate aim, suitability, necessity, and balance of interests [68]. Meanwhile, the textual abstractness of any Basic Law does not allow one to rely solely on the formal dogmatic approach when analyzing the principle of proportionality. The inevitable discretion of constitutional judges, particularly at the stage of balancing between private and public interests, determines the necessity to consider the extra-legal aspects of proportionality.

The borrowing of this principle in the constitutional law of Russia and the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation perfectly exemplify the migration of ideas in modern global constitutionalism. It is worth stressing that a comparative legal analysis of the constitutional principle of proportionality is only possible within the interdisciplinary approach. In this connection, one cannot but agree with the opinion of A. Blankenagel, a professor of the Humboldt University of Berlin, that comparative constitutional law 'is interdisciplinary in its nature!' [4, p. 52]. In the process of borrowing the constitutional principle of proportionality, it is necessary to take into account a number of extra-legal factors of modern Russian law (socialist tradition, political ideology, specifics of argumentation, attitude to collective interests in society, etc.). Therefore, without proper consideration of the social context, it is not possible to understand the proportionality model developed in a particular legal system.

The application of an interdisciplinary approach in the analysis of proportionality is present in the case law of Russian constitutional justice.

The Constitutional Court of the Russian Federation sometimes substantiates its own conclusions by referring to the social consequences of legislative restrictions on constitutional rights, including the right to personal liberty and security (Judgment of July 16, 2015 No. 23-P¹, Decision of May 15, 2002 No. 164-O²); freedom of conscience (Decision No. 113-O of April 9, 2002³); rights to housing (Judgment of June 15, 2006 No. 6-P⁴), rights to pensions (Judgment of January 14, 2016 No. 1-P⁵).

The Constitutional Court evaluation of non-legal consequences is relevant for the execution of the court's decisions in the event of a revealed legislative gap in a particular case. For instance, in the Judgment of June 13, 1996 No. 14-P, it was emphasized that as a result of the impugned norm having been recognized as unconstitutional, certain negative social consequences are conceivable, 'the Constitutional Court of the Russian Federation considers it necessary to use the procedure for deferring the execution of decisions in this case so that the legislator in due time could take measures to balance the interests of justice and the rights of citizens'⁶. This example clearly demonstrates the realism of the guardian of the Russian constitution by taking into account the social consequences of its decisions and their interconnection with the achievement of a balance of interests, which means compliance with the principle of proportionality.

Consequently, constitutional justice is not in a positivist 'vacuum'. Along with provisions of statutes, constitutional judges recognize their wide extra-legal context in modern society. The consideration of social and other non-legal factors by the Constitutional Court of the Russian Federation could be designated as an interdisciplinary way of constitutional interpretation. Further, a system of interdisciplinary aspects of the proportionality principle is to be considered.

¹ See: *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2015. No. 30. Article 4660.

² *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2003. No. 1.

³ *Ibid.* 2002. No. 6.

⁴ See: *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2006. No. 26. Article 2876.

⁵ *Ibid.* 2016. No. 4. Article 551.

⁶ *Ibid.* 1996. No. 26. Article 3185.

Основное содержание

Идея соразмерности проявляется в самых разных областях человеческой и общественной жизни. Из всего этого разнообразия можно остановиться лишь на отдельных научных дисциплинах. В рамках представленной работы система междисциплинарных аспектов соразмерности основывается на универсальной десятичной классификации (УДК)¹. Соответственно первая группа дисциплин (философия, логика, психология и этика) имеет фундаментальное значение для уяснения природы конституционного принципа соразмерности. Вторая группа представлена языкознанием, достижения которого имеют прикладное значение в толковании конституционных норм. В третьем разделе используются результаты ряда общественных наук (экономики, социологии и политологии) с точки зрения возможности согласования частных и публичных интересов как ключевого элемента конституционного принципа соразмерности.

1. Философия, логика, психология и этика

1.1. Философия

Для понимания соразмерности в конституционализме можно обратиться к философской категории «мера». Конечно, ее наиболее релевантной сферой использования будет философия и теория права [16]. В конституционализме категория «мера» традиционно связывается с понятием субъективного права. Именно господство диалектики в советской науке определило сохраняющееся отождествление категории «субъективное право» с мерой возможного поведения лица. На этом фоне рассматриваемая философская категория отчасти позволяет решить проблему отсутствия напрямую в тексте Конституции РФ понятия соразмерности. Содержащийся в части 3 статьи 55 термин «мера» служит нормативным основанием для использования соразмерности в качестве конституционного принципа.

Для анализа принципа соразмерности особый смысл приобретает взаимосвязь количественных и качественных характеристик в философском понятии меры. Так, еще в советской материалистической диалектике мера обозначалась как «определенное соединение качественных и количественных характеристик предмета, посредством которого этот предмет может быть измерен» [19, с. 389]. Это определение позволяет выделить количественный, качественный и нормативный аспекты философского понятия меры. Оно применимо к вопросам защиты конституционных прав.

Так, в оценке обжалуемых заявителем в порядке конституционного судопроизводства законоположений часто выделяются количественные (срок, размер и т. д.), качественные (интенсивность вмешательства с учетом значимости конституционного права) и нормативные характеристики (собственно эталон или критерий). Принцип соразмерности в этой системе выступает в качестве эталона качественно-количественной определенности вмешательств в конституционные права в форме законов или иных актов, которые могут выступать предметом обжалования в конституционном судопроизводстве.

Упрощенно понятие меры можно выразить в трех моделях, которые отличаются разным качеством соблюдения конституционного принципа соразмерности в зависимости от изменения количественных характеристик. Условно диапазон такой меры меняется от минимального количества 0 % (отсутствие конституционных прав) до максимального – 100 % (неограниченные конституционные права). Первая модель фиксирует одну крайность и условно может быть обозначена как «рабство», когда права у лица полностью отсутствуют, частные интересы не уважаются, а устанавливается абсолютный приоритет общего блага. Вторая модель выражает другую крайность и может именоваться как «анархия». В условиях этой модели свободы частных лиц, являясь практически безграничными, осуществляются без учета общих интересов. Третья умеренная модель («золотая середина») характеризует оптимальное качество, при котором права частных лиц соблюдаются, не исключая при этом необходимость их ограничения, поскольку публичные интересы также важны.

Диалектическое понимание меры важно для осмысления процесса развития конститу-

Main Part

The idea of proportionality is manifested in various areas of human and social life. Of all this diversity, it is possible to focus only on particular scientific disciplines. In the framework of the given research, the system of interdisciplinary aspects of proportionality is based on the universal decimal classification (UDC)¹. Accordingly, the first group of disciplines, including philosophy, logic, psychology and ethics, is fundamental to understanding the nature of the constitutional principle of proportionality. The second group is represented by linguistics. Its achievements have an applied value in the interpretation of constitutional norms. The third section uses the results of a number of social sciences such as economics, sociology and political science in terms of the possibility of balancing private and public interests as a key element of the constitutional principle of proportionality.

1. Philosophy, logic, psychology and ethics

1.1. Philosophy

To understand proportionality in constitutionalism, let us turn to the philosophical category 'measure'. Its most relevant sphere of use is certainly philosophy and theory of law [16]. In constitutionalism, this category is traditionally associated with the concept of rights. It was the dominance of dialectics in Soviet science that determined the ongoing identification of the category 'rights' with a measure of a person's possible behavior. In this respect, the considered philosophical category partly allows us to solve the problem of the absence of the proportionality concept directly in the text of the Constitution of the Russian Federation. In Section 3 of Article 55 the term 'measure' serves as a normative basis for the use of proportionality as a constitutional principle.

In analyzing the principle of proportionality, the relationship between quantitative and qualita-

tive characteristics in the philosophical concept of measure acquires special meaning. Even in Soviet materialist dialectics, a measure was defined as 'a definite combination of qualitative and quantitative characteristics of an object by means of which this object can be measured' [19, p. 389]. This definition allows us to highlight the quantitative, qualitative and normative aspects of the philosophical concept of measure. It is applied to the protection of constitutional rights.

When testing an applicant claim in constitutional proceedings, quantitative (term, size, etc.), qualitative (intensity of infringement taking into account the significance of constitutional rights) and regulatory characteristics (standard or criterion) are often distinguished. In this threshold structure, the principle of proportionality acts as a standard for qualitative and quantitative certainty of infringements in constitutional rights in the form of laws or other acts that may be challenged in constitutional adjudication.

To put it simply, the concept of measure can be demonstrated in three models that differ in quality of compliance with the constitutional principle of proportionality depending on modifications in quantitative characteristics. Theoretically speaking, the range of such a measure varies from a minimum quantity of 0%, meaning lack of constitutional rights, to a maximum of 100%, i.e. absolute constitutional rights. The first model reflects one extreme that might be designated as 'slavery', when a person has no rights, private interests are not respected, and the absolute priority of the common good is established. The second model expresses the other extreme and may be referred to as 'anarchy'. Within the framework of this model, the freedoms of individuals, being almost unlimited, is realized without taking into account common interests. The third moderate model (the 'golden mean') characterizes the optimal quality, when the rights of individuals are respected, while not excluding the need for their restriction, since public interests are also of importance.

The dialectical approach to measure is important for understanding the process of the constitu-

¹ См.: *О введении в действие ГОСТ 7.90-2007. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Универсальная десятичная классификация. Структура, правила ведения и индексирования: приказ Ростехрегулирования от 31 окт. 2007 г. № 288-ст. М.: Стандартинформ, 2008.*

¹ See: Order of the Federal Technical Regulation and Metrology Agency No. 288-ST 'On the Enactment of GOST 7.90-2007. System of Standards on Information, Librarianship and Publishing. Universal Decimal Classification. Structure, rules for use and indexing' of October 31, 2007. Moscow. Standardinform Publ., 2008.

ционализма в целом. Соблюдение законодателем и иными органами власти принципа соразмерности обеспечивает оптимальное развитие, отражая переход на более цивилизованную ступень эволюции правового порядка. Напротив, если законодатель избыточно вмешивается в основополагающие права, а конституционная юстиция неспособна противостоять такой чрезмерности, правовая система деградирует. История демонстрирует множество примеров, когда в полном соответствии с правилами диалектического развития количество чрезмерных государственных мер («драконовских» законов или «закручивания гаек» исполнительной властью) переходит в новое качество (авторитаризм, тоталитаризм) или фактически происходит реакция («новое» средневековье). Возможна и обратная диалектическая закономерность, когда радикальное понимание соразмерности несет в себе угрозу злоупотреблений конституционными правами (легализация наркотических средств, либерализация продажи огнестрельного оружия и т. д.). Поэтому в конституционном судопроизводстве при оценке вмешательства в конституционные права в конкретном деле полезно рассматривать их с учетом всей системы предыдущих законодательных мер. Иначе правоограничивающие меры, которые разрабатываются законодателем в несколько этапов и при изолированной оценке кажутся незначительными, в конечном итоге обуславливают переход конституционных прав в иное качество, угрожая выхолащиванием их сущностного содержания (ядра). Такие философские представления о мере тесно взаимосвязаны с логикой.

1.2. Логика

Логика находится в основе догматического подхода в юриспруденции. Поэтому здесь противопоставление с междисциплинарностью условно. Одни аспекты логики уточняют саму сущность соразмерности в конституционном праве, находя в юриспруденции отражение понятий как элемента догматического подхода. Так, в логике соразмерность используется для установления отношения между двумя суждениями. Наряду со сравниваемыми суждениями необходим еще масштаб, позволяющий проводить сравнение. В этой связи справедливо мнение немецкого юриста Михаэля Якобса [Michael Jakobs] о том, что «понятие соразмер-

ности как минимум имеет предпосылкой три элемента: первую меру; вторую меру, в сравнении с которой происходит взвешивание, а также критерий (масштаб оценки)» [45, S. 13]. Поэтому подходы формальной логики можно использовать в мыслительной реконструкции процесса взвешивания интересов. Этот прием судейской техники предполагает сравнение одной переменной величины (публичного интереса) со второй переменной величиной (конституционного права частного лица) с точки зрения критерия (собственно многостадийной проверки на соблюдение принципа соразмерности).

Исходя из междисциплинарного подхода логика все же полезна для разграничения приемов юридической квалификации и взвешивания интересов. В рассматриваемой научной дисциплине разработано правило о соразмерности дефиниций. Согласно этому правилу «объем определяемого понятия должен совпадать с объемом определяющего; они должны быть равнозначными понятиями. Соразмерность легко проверяется через перестановку мест членов определительного суждения» [12, с. 39]. Такой подход позволяет увидеть взаимосвязь балансирования как центрального элемента соразмерности с логическим приемом субсумции (от лат. sub-sum – быть подчиненным). Это понятие означает подчинение видового понятия родовому, а сам процесс такого подчинения определяют глаголом «субсумировать». Данный термин имеет широкое распространение в германоязычной юридической методологии [65]. В англоязычной правовой доктрине похожий феномен обозначают понятием категоризации [66]. Данным терминам в отечественной теории права близок общетеоретический феномен юридической квалификации. В таком контексте субсумция предполагает соотнесение языкового смысла конституционной нормы (родовое понятие) с фактическими обстоятельствами конкретного дела (видовое понятие).

Разницу субсумции и балансирования можно показать на примере дела о прослушивании телефонных переговоров «наркодилеров» (определение от 19 февраля 2009 г. № 91-О-О)¹. В частности, Конституционный Суд РФ подчеркнул, что «преступное деяние не относится к сфере

¹ Конституционный Суд РФ: [официальный сайт]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision18697.pdf> (дата обращения: 01.02.2020).

tionalism development as a whole. Compliance with the principle of proportionality by the legislator and other authorities ensures the optimal development, reflecting the transition to a more civilized stage of the evolution of the legal order. On the contrary, if the legislator excessively interferes with fundamental rights, and constitutional justice is unable to withstand such excessiveness, the legal system degrades. History shows many examples when, in full accordance with the rules of dialectical development, the number of excessive government measures, such as ‘draconian’ laws or ‘tightening the screws’ by the executive branch transforms to a new quality (authoritarianism, totalitarianism) or a reaction occurs (‘new’ Middle Ages). A reverse dialectical pattern is also possible, when a radical understanding of proportionality carries the risk of constitutional rights abuse, i.e. legalization of drugs, liberalization of firearms sale, etc. Therefore, in constitutional proceedings, when assessing interference with constitutional rights in a particular case, it is useful to consider them with regard to the entire system of previous legislative measures. Otherwise, the law-restricting measures, which are developed by the legislator in several stages and seem insignificant under an isolated assessment, ultimately determine the transition of constitutional rights to a different quality, threatening to hollow out their essential scope (core). Such philosophical ideas about measure are closely intertwined with logic.

1.2. Logic

Logic is at the heart of the dogmatic approach in jurisprudence. Therefore, the contrast with interdisciplinarity is relative. Some aspects of logic make more exact the very essence of proportionality in constitutional law, finding in jurisprudence reflection of concepts (Begriffsjurisprudenz) as an element of the dogmatic approach. In logic, proportionality is used to establish the relationship between two propositions. Along with the propositions being compared, a scale is required to make comparisons. In this regard, Michael Jakobs, a German lawyer, holds a fair opinion that ‘the concept of proportionality has at least three prerequi-

sites: the first measure; the second measure, in comparison with which weighing takes place, as well as the criterion (scale of assessment)’ [45, p. 13]. That is why the approaches of formal logic can be used in mental reconstruction of the interest-weighing process. This judicial technique involves comparing one variable (public interest) with the other variable (constitutional rights of a person) from the point of view of the criterion (a multi-stage procedure to test compliance with the principle of proportionality as it is).

Based on the interdisciplinary approach, logic is still useful for distinguishing between categorization and balancing of interests. There has been developed a rule on the proportionality of definitions in the scientific discipline under consideration. According to this rule, ‘the scope of a concept being defined must coincide with the scope of the defining one; they should be equivalent concepts. Proportionality is easily verified by rearranging the parts of the definitive proposition’ [12, p. 39]. This approach makes it possible to see the relationship of balancing a central element of proportionality with the logical technique of subsuming (from Lat. ‘sub-sum’ – subordinate). This term means subordination of the basic level to the superordinate one, and the process of such subordination is designated by the verb ‘subsume’. This term is widely used in the German-language legal methodology [65]. In the English legal doctrine, a similar phenomenon is denoted by the concept of categorization [66], whereas in the Russian legal theory these terms are close to the phenomenon of legal qualification. In such a context, under subsumption means correlating the linguistic meaning of the constitutional provision (superordinate concept) with the facts of a particular case (basic level and subordinate concept).

The difference between subsumption and balancing can be shown through the example of a case on wiretapping of telephone conversations of ‘drug dealers’ (Decision of February 19, 2009 No. 91-O-O¹). In particular, the Constitutional Court of the Russian Federation emphasized that ‘a

¹ Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. Available at: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision18697.pdf> (accessed 01.02.2020).

частной жизни лица, сведения о которой не допускается собирать, хранить, использовать и распространять без его согласия, а потому проведение таких оперативно-розыскных мероприятий не может рассматриваться как нарушение конституционных прав, предусмотренных статьей 24 Конституции Российской Федерации». В данном случае Конституционный Суд РФ отказывается подчинять (субсумировать) видовые объекты (информацию о преступном деянии) родовому понятию права на информацию о частной жизни. В приведенном деле не соблюдаются правила формальной логики о соразмерности понятий. Ведь нарушается соответствие между конституционной дефиницией (информации о частной жизни) и дефидентом определяемого явления (телефонные переговоры о преступном деянии).

При этом субсумция охватывается стадией толкования нормативного содержания конституционного права, т. е. осуществляется до проверки судом соразмерности. Использование такого приема не позволяет перейти к следующим этапам разбирательства в Конституционном Суде РФ. Соответственно заявитель не сможет добиться оценки соразмерности вмешательства его прав в порядке конституционного судопроизводства. Фактически уже на стадии допустимости конституционной жалобы проводится взвешивание конфликтующих публичных и частных интересов. С одной стороны, повышается вес общественно значимой цели пресечения преступных деяний, а с другой стороны, придается низкий вес частной жизни наркодилеров. Такой прием скрытого взвешивания ценностей на начальном этапе конституционного судопроизводства, возможно, оправдан процессуальной экономией. Однако он деструктивен, поскольку позволяет фактически не рассматривать конституционно-правовую проблему по существу, решая ее процессуальными способами.

1.3. Психология

Несомненна взаимосвязь идеи соразмерности с психологией. Хотя в российском правоведеии значительное внимание уделяется психологической теории права Л. И. Петражицкого [55], лишь редкие исследователи фокусируются на прикладных проблемах судебного толкования права и отдельных элементах принципа соразмерности [30]. В последнем случае следу-

ет поддержать правильное направление развития юриспруденции, когда результаты фундаментальных исследований увязываются с потребностями конкретной отрасли права или судебной практики.

Психологическая школа права позволяет обратить внимание на ряд конституционных проблем. Так, психология человеческой личности должна учитываться в процесс правотворчества, включая регулирование конституционных признаваемых прав. Условно можно говорить об оценке регулирующего воздействия с точки зрения психологии. Можно согласиться с рассуждениями С. В. Васильевой о том, что «человек живет в своих интересах. Хорошо, если его эгоистический интерес соразмеряется с общественно полезным интересом. А если нет, то что может делать право: гасить эти эгоистические интересы или учить соразмерять их с общим интересом? И здесь важно в правовом регулировании учитывать знания смежной науки: психологии. Совсем гасить эгоистический интерес нельзя, потому что это чревато для психики личности... не доверяйте созданию закона любому человеку, который хочет провести в нем только свои эгоистические интересы» [6, с. 119]. Конечно, лоббирование эгоистических или даже групповых интересов в представительных органах власти кажется предосудительным с точки зрения высоких публичных задач. Однако верно и то, что правотворчество представляет собой уравнивание разных эгоистических интересов.

Психология также приобретает прикладное значение в оценке механизма принятия решений отдельными конституционными судьями. Причем влияние установок судей наиболее очевидно в делах о защите конституционных прав, включая их взвешивание с противоречащими публичными интересами. Психологические аспекты занимают центральное место в доктрине судейского поведения (от англ. – Judicial Behavior). Она получила значительную разработку в англоязычной юриспруденции, где изданы даже учебники по данной тематике [54]. Попытка исследования вопросов психологии в конституционном судопроизводстве уже предпринята в постсоветской юриспруденции [11]. В России также появляются общие работы, посвященные судейской психологии [13].

criminal act does not apply to the private life of a person whose information is not allowed to be collected, stored, used and disseminated without his or her consent, and therefore, the conduct of such intelligence operations shall not be considered a violation of constitutional rights provided for in Article 24 of the Constitution of the Russian Federation.' In this case, the Constitutional Court of the Russian Federation refuses to subordinate (subsume) the basic level (information on the criminal act) to the superordinate concept of the right to information about private life. In the mentioned case, the rules of formal logic concerning the proportionality of concepts are not respected. After all, the correspondence between the constitutional definition (information about private life) and the defined phenomenon (telephone conversations about a criminal act) is violated.

Meanwhile, subsumption is covered by the stage of interpretation of the normative content of the constitutional right, i.e. carried out before the court tests the proportionality. Application of this technique does not allow moving to the next stages of the proceedings in the Constitutional Court of the Russian Federation. Accordingly, the applicant will not receive evaluation of the proportionality of the interference with his or her rights in constitutional proceedings. In fact, balancing of conflicting public and private interests is carried out already at the stage of the constitutional complaint admissibility. On the one hand, the weight of the socially significant goal of combating criminal acts is increasing; on the other hand, a low weight is attached to the private life of drug dealers. This technique of hidden balancing of values at the initial stage of constitutional legal proceedings is probably justified by saving procedural time. However, it is destructive as in fact it makes it possible not to consider the legal issue on merits, solving it by procedural methods.

1.3. Psychology

The interrelation between the idea of proportionality and psychology is undoubted. Although in Russian jurisprudence much attention is paid to L. Petrażycki's psychological theory of law [55], it is rare that scholars focus on applied problems of the

judicial interpretation of law and particular elements of the principle of proportionality [30]. The latter case appears to be a proper direction in the development of jurisprudence, the results of fundamental research should be linked to the needs of particular branch of law or case law.

The psychological school of law highlights a number of constitutional issues. For example, human psychology should be taken into account in the process of law-making, including the regulation of constitutional rights. We can talk about assessment of the regulatory impact in terms of psychology. One can agree with the arguments of S. V. Vasilyeva that 'a person lives in his own interests. It is good if his selfish interest is commensurate with the socially useful interest. And provided not, what can the law do: extinguish these selfish interests or learn to balance them with the public interest? And here in legal regulation it is important to take into account the knowledge of related science: psychology. One should not completely suppress selfish concern because it could badly affect the mental health of the individual [...] do not trust the creation of laws to anyone who pursues only his or her selfish interests through it' [6, p. 119]. Lobbying for selfish or even group interests in legislative bodies seems obviously blameful from the point of view of paramount public tasks. Yet, it is also true that lawmaking is the balancing of different egoistic interests.

Psychology also gains applied importance in evaluating the decision-making mechanism of individual constitutional judges. Moreover, the influence of judges' attitudes is most evident in cases on the protection of constitutional rights, including their weighing with conflicting public interests. Psychological aspects are central to the doctrine of judicial behavior. It has received significant development in the English-language jurisprudence, and even textbooks have been published on this matter [54]. An attempt to study psychological issues in constitutional proceedings were made in post-Soviet legal science [11]. General works on judicial psychology also appear in Russia [13].

К сожалению, такие исследования пока проводятся преимущественно социологами и, видимо, не интересуют юристов. Также проведенный анализ ограничен общими судами и не касается конституционной юстиции. В то же время в этих прикладных исследованиях делается убедительный вывод о том, что изоляция судьи в процессе принятия решения является ложной абстракцией. Вместо нее необходимо представлять «вполне живого судью, обладающего материальными и карьерными интересами, статусными амбициями, имеющего пол, биографию и предшествующий опыт, включенного в социальные сети, работающего в контексте иерархической организации и подчиненного властным воздействиям в этой организации, находящегося в институциональной среде, где его или ее действия оцениваются и эта оценка имеет ощутимые последствия» [13, с. 4–5].

Более того, в США распространен подход, согласно которому судьи Верховного Суда в соответствии с их идеологическими убеждениями и политическим уклоном делятся на либералов и консерваторов [62]. Этот подход основан на количественном анализе результатов голосования в разных судах [56]. В таких исследованиях учитываются фактор влияния на процесс принятия решений индивидуальных особенностей судей (раса, пол, возраст, религиозные убеждения, социально-экономическое происхождение и т. д.) и в целом их прежний опыт (образование, профессия, политическая деятельность и т. д.) [40]. Эти обстоятельства объясняют психологию и поведение судьи.

Конечно, при заимствовании приведенных подходов нужно учитывать особенности отечественной правовой традиции. В постсоветском правоведении схожие исследования, казалось бы, имеют незначительный смысл. Ведь они якобы являются исключительно психологическими или социологическими по своей природе, но не связаны прямо с юридической материей. Формально правосудие должно обладать независимостью, а судьи Конституционного Суда РФ и вовсе связаны только Конституцией¹, но никак не своими психологическими или

¹ Предусмотренные Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 29.07.2018 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» принцип независимости деятельности Конституционного Суда РФ

иными установками. В России изучение психологического поведения судьи прямо не будет касаться области «чистой» юриспруденции. Например, рядовые по меркам психологии и социологии методы интервьюирования вызывают критику даже со стороны либерально настроенных молодых юристов. Так, С. Голубок в рецензии на книгу А. Л. Буркова «Конвенция о защите прав человека в судах России» (2010 г.), содержащей результаты интервью с чиновниками и судьями Свердловской области, едко предлагает к ее названию добавить фразу: «и разговоры о ней [Конвенции] с некоторыми свердловскими судьями и практикующими юристами» [9, с. 173–174]. Интервью еще предстоит занять достойное место в юридической методологии. Вряд ли стоит оспаривать ценность этого метода как такового. Да и сам указанный рецензент приходит к заключению, что «эмпирической основой таких исследований должны стать судебные решения российских судов либо репрезентативная выборка, основанная на ясных исследовательских методах» [9, с. 174].

Распространению психологической методологии в российском правоведении препятствует доминирование позитивизма. Использование количественных и других междисциплинарных методов считается неуместным в силу академических конвенций для традиционной юридической науки. Именно поэтому некоторые российские ученые в целом резко критикуют методологию социальных наук в правоведении, считая их глобальной угрозой догматической науки [8]. Позитивизм и якобы формальное отношение судьи особенно в «сложных» делах является психологически удобным средством ухода от политико-правовых проблем. Можно согласиться с мнением А. Г. Карапетова о том, что позитивизм «куда более безопасен для юристов и правотворцев. Всегда намного проще проводить в жизнь свои идеи, в реальности основанные на собственных представлениях о справедливости и комплексе утилитарных соображений, оформляя аргументацию в качестве идеологически нейтральных дедукций из неких непреложных аксиом, даже

(ст. 5) и вытекающее из присяги требование о подчинении судьи Конституционного Суда РФ исключительно «Конституции РФ, ничему и никому более» (ст. 10) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13, ст. 1447.

Unfortunately, so far studies in this field have been mainly conducted by sociologists and, apparently, are of no interest to lawyers. Moreover, the analysis is limited to general courts and does not cover the constitutional justice. At the same time, these applied studies provide a forceful argument that isolation of the judges in the decision-making process is a false abstraction. Instead, it is necessary to introduce 'a quite living judge with material and career interests, status ambitions, gender, biography and previous experience, included in social networks, working in the context of a hierarchical organization and subordinated to power influences in this organization, located in an institutional environment where his or her actions are evaluated and this assessment has tangible consequences' [13, pp. 4–5].

Moreover, under the approach that is widespread in the United States, judges of the Supreme Court are divided into liberals and conservatives according to their ideological views and political preferences [62]. This approach is based on a quantitative analysis of voting results in different courts [56]. Such studies take into account the influence of individual characteristics of judges (race, gender, age, religious beliefs, socioeconomic background, etc.) and their previous experience in general (education, profession, political activity, etc.) on the decision-making process [40]. These factors explain the psychology and behavior of a judge.

When borrowing the mentioned approaches, it is obviously necessary to take into account the legal tradition. In post-Soviet jurisprudence similar studies would seem to be of little sense. They are supposed to be exclusively psychological or sociological in nature and are not related to legal issues directly. Formally, justice should have independence, and judges of the Constitutional Court of the Russian Federation are completely bound only by the Constitution¹, but not by their psychological

¹ The principle of independence of the Constitutional Court of the Russian Federation (Art. 5) and the requirement arising from the oath of subordination of the judge only to the Consti-

or other attitudes. In Russia, the study of judges' psychological behavior will not directly concern the area of 'pure' jurisprudence. For example, interviewing as a method typical of psychology and sociology is being criticized even by liberal-minded young jurists. In particular, S. Golubok in his review of the book by A. L. Burkov *The Convention on the Protection of Human Rights in the Courts of Russia* (2010), containing the results of interviews with officials and judges of the Sverdlovsk region, caustically suggests adding the phrase to its title: 'and conversations about it [the Convention] with some Sverdlovsk judges and practicing lawyers' [9, pp. 173–174]. Interviewing is yet to take its proper place in the legal methodology. It is hardly worth challenging the value of this method as such. And the reviewer himself comes to a conclusion that 'the empirical basis of such studies should be court decisions of Russian courts or a representative sample based on clear research methods' [9, p. 174].

The spread of psychological methodology in Russian jurisprudence is hindered by the dominance of positivism. The use of quantitative and other interdisciplinary methods is considered inappropriate by virtue of academic conventions for traditional legal science. That is why some Russian scholars sharply criticize the methodology of social sciences in jurisprudence, considering it to be a global threat to dogmatic science [8]. Positivism and the supposedly formal attitude of a judge, especially in 'complex' cases, is a psychologically convenient way of avoiding political and other sensitive issues. One can agree with the opinion of A. G. Karapetov that positivism 'is much safer for lawyers and lawmakers. It is always much easier to implement your ideas based on your own ideas about equity and a set of utilitarian considerations,

tutional Court of the Russian Federation 'to the Constitution of the Russian Federation, to nothing and no one else' (Art. 10), provided for by the Federal Constitutional Law No. 1-FKZ 'On the Constitutional Court of the Russian Federation' of July 21, 1994 (as amended on 29.07.2018). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 1994. No. 13. Art. 1447.

если они на самом деле никакие не аксиомы и отсылки к ним носят чисто фиктивный характер... Куда сложнее честно раскрывать истинную политико-правовую подоплеку принимаемых решений или выдвигаемых предложений, тем самым демонстрируя их рукотворность и неизбежно вскрывая их имманентный субъективизм» [14, с. 18–19]. Интересно, что в специальном исследовании судейской культуры в Центральной и Восточной Европе гиперформализм рассматривается в качестве признака сохраняющейся социалистической традиции. Именно такой подход, по оценке чешского исследователя Зденека Кюна [Zdeněk Kühn], нивелировал прикладное значение принципов и норм, не имевших текстуального закрепления. «Правовые принципы, если они прямо не закреплены в преамбулах социалистических конституций или кодексов или, по крайней мере, не вытекают из законов, не были частью социалистического права... Не было никаких неписаных принципов права. Даже если бы такие принципы существовали, они никогда не стали бы обязательными в системе писаного социалистического права» [47, р. 541]. Следовательно, с психологической точки зрения и ввиду господства позитивизма восприятие принципа соразмерности, не имеющего четкого текстуального закрепления, для правоприменителей будет затруднено.

В отношении конституционной юстиции поведение судьи зависит от процедуры назначения, личных убеждений, прежнего общественного, политического или профессионального опыта. Косвенно такие характеристики влияют на самоограничение (активность) в процессе принятия единогласного решения большинством конституционных судей. При выражении судьей особого мнения взвешивание конфликтующих частных и публичных интересов и вовсе происходит непосредственно. С точки зрения принципа соразмерности в конституционном судопроизводстве особенно актуальны сохраняющаяся социалистическая традиция или либеральные взгляды в отношении ключевых проблем, возникающих в делах о защите конституционных прав. Наконец, психология предопределяет этическую оценку соразмерности решений законодателя и иных органов власти.

1.4. Этика

Понимание соразмерности в конституционном праве невозможно вне представлений этики об умеренности как одной из кардинальных человеческих добродетелей. Она предполагает срединный выбор («золотое правило») в поступках и путь к гармоничной жизни. Умеренность также тесно связана с рассудительностью. Эта добродетель требует соблюдения разумной меры между удовольствиями и аскетизмом. Эти этические понятия можно применить к области принятия законодательных решений, посягающих на человеческую свободу. Умеренным будет тот представительный орган, который следует срединным путем и выбирает решение между двумя крайностями: чрезмерной вмешательством в частную автономию и абсолютной пассивностью в удовлетворении действительно значимых общественных нужд. Пренебрежение умеренностью в деятельности административных органов чревато неэффективностью или условным «закручиванием гаек». Крайности в выборе средств не позволяют достичь оптимального результата правового регулирования.

Умеренность также находится в основе диалога конституционной юстиции с законодателем (отчасти административными органами) и иными судами. Выбирая между крайними моделями судейского поведения (самоограничением или активизмом), конституционный судья пытается балансировать во взаимоотношениях с «политическими» органами или другими судами. Причем выбор той или иной стратегии нередко зависит от позиции законодателя (его длительная пассивность обуславливает более интенсивный конституционный контроль) или предметной области (вопросы обороны или внешней политики требуют значительного уважения со стороны суда). Вместе с тем срединный путь иногда чреват аморальной нейтральностью, а попытка искусственного синтеза в конституционном судопроизводстве противоположенных этических подходов может подрывать предсказуемость судейского поведения. Последний фактор влияет не только на итоговые решения по конкретному делу, но и на независимость конституционного правосудия в целом.

presenting arguments as ideologically neutral deductions from certain immutable axioms, even if they are in fact not axioms and references to them are of purely fictitious character [...] It is much harder to honestly reveal the true political and legal background of decisions made or proposals put forward, thereby demonstrating their being man-made and inevitably revealing their immanent subjectivity' [14, pp. 18-19]. Interestingly, in a special research on judicial culture in Central and Eastern Europe, hyper formalism is seen as a sign of the continuing socialist tradition. According to the assessment of Zdeněk Kühn, a Czech researcher, it is this approach that leveled the applied value of principles and norms that had no textual fixation. 'Legal principles, unless expressly stated in the preambles of the socialist constitutions or codes, or at least deducible from statutes, were not part of socialist law... There were no unwritten principles of law. Even if such principles had existed, they would have never become binding in the system of written socialist law' [47, p. 541]. Consequently, from a psychological point of view and in light of the dominance of positivism, perception of the principle of proportionality, which has no clear textual fixation, will be a difficult task for law enforcers.

With regard to constitutional justice, in each specific case behavior of a judge depends on the appointment procedure, their personal convictions, and their own previous social, political, or professional experience. Indirectly, such characteristics influence self-restraint (activism) in the process of making a unanimous decision by the majority of constitutional judges. When a judge expresses a dissenting opinion, balancing of conflicting private and public interests takes place directly. From the point of view of the proportionality principle in constitutional proceedings, the continuing socialist tradition or liberal views regarding the key problems arising in cases of protection of constitutional rights are especially relevant. Finally, psychology predetermines ethical assessment of the proportionality of decisions made by the legislator and other authorities.

1.4. Ethics

The understanding of proportionality in constitutional law is impossible without the ethical concept of moderation as one of the cardinal human virtues. It involves a middle choice (the 'golden rule') in actions and a path to a harmonious life. Moderation is also closely related to reasonableness. This virtue requires observance of a reasonable measure between pleasures and asceticism. These ethical concepts can be applied to the field of legislative decisions encroaching on human freedom. The representative body will be considered moderate only in case if it follows the middle path and chooses a solution between two extremes: excessive interference with private autonomy and absolute passivity in satisfying truly significant social needs. Neglect of moderation in the activities of administrative bodies is fraught with inefficiency or 'tightening the screws'. Extremes in the choice of means do not allow achieving the optimal outcome of legal regulation.

Moderation is also at the heart of the dialogue between constitutional justice and the legislator (partly administrative bodies) and other courts. Choosing between the extreme models of judicial behavior (self-restraint or activism), the constitutional judge tries to balance in relationships with 'political' bodies or other courts. Moreover, the choice of a particular strategy often depends on the position of the legislator (who long passivity leads to intensified constitutional control) or the subject matter (defense or foreign policy issues require considerable respect from the court). At the same time, the middle way is sometimes fraught with immoral neutrality, and an attempt to artificially synthesize opposing ethical approaches in constitutional legal proceedings can undermine the predictability of judicial behavior. The latter factor affects not only the final decisions on a particular case but also on the independence of constitutional justice as a whole.

2. Языкознание

Достижения языкознания важны в процессе буквального (грамматического) толкования конституционных прав. Из всего междисциплинарного арсенала рассматриваемый методологический прием не кажется чуждым для традиционной юриспруденции и чаще всего используется в практике конституционного правосудия. Вместе с тем именно языкознание помогает более глубоко уяснить содержание и сущность принципа соразмерности в конституционализме.

С точки зрения морфологии соразмерность является существительным, описывающим качество (состояние) предмета или явления. В толковом словаре рассматриваемый термин определяется в качестве соответствия «между чем-либо по размерам, величине, качеству, достоинству и т. п.» [18, с. 657]. Причем в таком определении соразмерность отождествляется, с одной стороны, с соответствием, которое является наиболее близким синонимом для рассматриваемого понятия, с другой стороны, с мерилем, т.е. неким средством оценки явлений и предметов. В последнем случае похожий вывод следует из анализа происхождения однокоренного существительного мера, который используется в части 3 статьи 55 Конституции РФ. По данным этимологического словаря мера обозначала русскую народную единицу измерения («сосуд для измерения сыпучих тел, вмещающий количество, равное этой единице емкости») [33, с. 508]. Здесь мерило (масштаб) одновременно означает количество взвешиваемого. Интересно, что рассматриваемая коренная основа понятия соразмерности совпадает по другому значению в праславянских языках (мѣра, мирь) с древнеиндийским термином (*mātrā, mītrā*), который обозначает, в свою очередь, мир, союз, договор [33, с. 508]. В плане этимологии соразмерность показывает возможность использования данного понятия для обозначения процесса согласования какие-либо условий и их результат, т.е. мирное урегулирование конфликтующих интересов. Кроме того, мера соотносится со словом «мир» как устройства сельской общины. Последнее же отождествляется со «всеми светом, обществом» и производно от таких категорий, как «согласие, любовный союз, дружба», или используется

для описания гармоничного состояния («успокоиться, хранить спокойствие») [32, с. 37].

Смысл анализируемого конституционного принципа также может быть раскрыт через прилагательное «соразмерный». Так, по описанию В. Даля, соразмерный определяется как «соответственный, приличный по размерам своим, что впору, кстати, идет, годно, согласно с потребностями и вкусом» [10, с. 274]. Современный толковый словарь похожим образом описывает прилагательное «соразмерный» как «соответствующий какой-либо мере по величине, размерам или обладающий правильным (пропорциональным) соотношением частей, т.е. находящийся в согласии с каким-либо мерилем» [5, с. 1237].

Наконец, соразмерность можно определить исходя из смысла соответствующего глагола. В толковом словаре В. Даля однокоренной глагол «соразмерить» определяется как «согласовать, сверстывать, приравнивать, уравнивать по количеству или по качеству, применять и применяться или уравнивать» [10, с. 274]. Сейчас лингвисты интерпретируют этот глагол аналогично: «установить соответствие или привести в соответствие с чем-либо по величине, размерам» [5, с. 1237]. Тем самым с учетом языкового значения под соразмерностью следует понимать определенное качественное состояние нормативного содержания конституционных прав в результате их взвешивания (соотнесения) с количественными показателями мероприятий государственной власти по достижению публичных целей исходя из заданного масштаба конституционности.

Лучшему пониманию самого рассматриваемого феномена и его частных проявлений служит выяснение синонимов слова «соразмерность». Справочные издания в качестве его синонимов называют «соответствие» и «пропорциональность» [2, с. 473]. В других специальных изданиях приводится более широкий ряд синонимов для соразмерности: «соответствие, сообразность, гармония, созвучность, адекватность, пропорциональность» [26, с. 432].

Исходя из практики Конституционного Суда РФ для понятия соразмерности наибольший интерес представляет такой синоним, как соответствие. Это слово является наиболее близким по значению, в нем заложена главная отличительная черта исследуемого конститу-

2. Linguistics

Linguistical aspects are important in the process of literal (grammatical) interpretation of constitutional rights. Among all the means of the multidisciplinary approach, the method under consideration does not seem alien to traditional jurisprudence and is most often used in constitutional proceedings. At the same time, it is linguistics that helps to better understand the content and essence of the principle of *commensuration* (proportionality) in constitutionalism. From the point of view of the Russian language, the word *sorazmernost'* would be more correctly translated into English as 'commensuration'. However, in the English-speaking academia, proportionality is a more conventional appellation. The present paper, unless specified otherwise, mainly uses the term 'proportionality'. In Section 2 ('Linguistics'), in order to distinguish between the Russian words *sorazmernost'* and *proporsional'nost'*, the former is rendered 'commensuration' and the latter 'proportionality'.

From the point of view of morphology, 'commensuration' is a noun describing the quality (condition or state) of an object or phenomenon. In the explanatory dictionary, the term in question is defined as a correlation 'between something in size, dimension, quality, value, etc.' [18, p. 657]. In this definition, commensuration is identified, on the one hand, with correlation, which is the closest synonym for the concept under consideration, and, on the other hand, with measure, i.e. benchmark for assessing phenomena and objects. In the latter case, a similar conclusion follows from an analysis of the origin of the single-root noun 'measure', which is used in Section 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation. According to the etymological dictionary, 'measure' designated a Russian national unit of measurement ('a vessel for measuring loose substances containing such an amount of those that is equal to this unit of capacity') [33, p. 508]. Here, measure (scale) simultaneously means quantity of the weighed. It is noteworthy that the root of 'commensuration' in its different meaning in the Proto-Slavic languages (*měpa, mīrь*) coincides with the ancient Indian term (*mātrā, mītrā*), which means 'peace', 'union', 'agreement' [33, p. 508]. In terms of etymology, commensuration shows the possibility of using this concept to denote the process of balancing conditions and their result, i.e. peaceful settlement of

conflicting interests. In addition, 'measure' is related to the old-Russian word *mir* (*мирь*) as a self-governance system of a rural community. The latter is identified with 'the whole world, society' and is derived from categories such as 'consent, amicable union, friendship' or is used to describe a harmonious state ('calm down, keep calm') [32, p. 37].

The meaning of the analyzed constitutional principle can also be revealed through the adjective 'commensurate'. According to V. Dahl's description, 'commensurate' is defined as 'appropriate, decent in size, something that is just right, suits, meets the needs and taste' [10, p. 274]. Modern dictionaries similarly describe the adjective 'commensurate' as 'corresponding to some measure in size, dimension or having the correct (commensurate) proportion of parts, i.e. being in agreement with some measure' [5, p. 1237].

Finally, commensuration can be determined based on the meaning of the corresponding verb. In his explanatory dictionary, V. Dahl defines the cognate verb 'commensurate' as 'harmonize, make up, equate, equalize in quantity or quality, apply or balance' [10, p. 274]. Nowadays, linguists interpret this verb in a similar way: 'establish correspondence or bring into conformity with something in quantity, size' [5, p. 1237]. Thus, taking into account the linguistic meaning, commensuration should be understood as a certain qualitative state of the scope of constitutional rights as a result of their weighing (correlation) with quantitative indicators of government actions towards achieving public goals based on the stated scale of constitutionality.

Clarification of the synonyms for the word 'commensuration' facilitates a better understanding of the considered phenomenon and its particular manifestations. Reference books contain 'correspondence' and 'proportionality' [2, p. 473] as its synonyms. Other specialized publications contain a wider range of synonyms for 'commensuration', such as 'correspondence, conformity, harmony, consonance, adequacy, proportionality' [26, p. 432].

Based on the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation, among the synonyms for 'commensuration' of most interest is 'correspondence'. This word is the closest one in meaning; it contains the main distinguishing feature of the constitutional principle under research.

ционного принципа. Ведь для достижения качества соразмерности необходимо осуществить соотношение между двумя явлениями или предметами. Кроме того, в основе категории «конституционность» также лежит понятие соответствия между предписаниями Конституции как контрольным масштабом и проверяемыми нормами законов и иных объектов конституционного судебного нормоконтроля. С этих позиций можно обратиться к научным дисциплинам, которые имеют более прикладное значение в судебном взвешивании частных и публичных интересов.

3. Экономика, социология и политология

3.1. Экономика

В отечественной экономической науке термин «соразмерность» (пропорциональность) отождествляется с соблюдением «пропорций, рациональных структурных соотношений в экономике, согласованного развития отраслей, сфер, регионов» [28, с. 335]. В этой дисциплине также широко используется родственное понятие экономического равновесия. По мнению Мюррея Милгейта [Murray Milgate], анализ равновесия (от англ. Equilibrium) является «основой, на которой экономическая теория была в состоянии создать пусть и незначительные претензии для своего “научного” статуса» [50, p. 3851]. По оценке научного сотрудника Колледжа Квинса в Кембриджском университете, равновесие не просто «стало центральной организующей категорией, вокруг которой должна была строиться экономическая теория», но не менее примечательно, что «формальное введение этой концепции в экономическую науку ассоциируется с теми самыми авторами, чьи имена тесно связаны с закладыванием основ – “этой науки”» [50, p. 3853].

Так, в трудах одного из основоположников экономической теории Адама Смита, который известен своей идеей «невидимой руки», фактически было обосновано стремление общества к равновесию с учетом естественных экономических условий. Одним из таких условий выступает естественная цена, которая «... как бы представляет собой центральную цену, к которой постоянно тяготеют цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут иногда держать их на значительно более высо-

ком уровне, а иногда понижать их по сравнению с нею. Но каковы бы ни были препятствия, которые отклоняют цены от этого устойчивого центра, они постоянно тяготеют к нему» [27, с. 112]. Другой классик экономической мысли Дж. Ст. Милль видел в равновесии прежде всего статическое состояние, отличая его от движущих сил экономической системы: «Нам предстоит еще рассмотреть экономические условия человеческого общества, подверженного изменениям, тем самым мы дополним нашу теорию равновесия теорией движения, дополним раздел “Статика” политической экономии разделом “Динамика”» [20, с. 7].

Исходя из таких общетеоретических представлений экономическое равновесие можно обнаружить в различных сферах экономической системы [53]. С точки зрения микроэкономики рыночное равновесие определяется как равновесие между спросом и предложением. Аналогичным образом равновесие также считается основой макроэкономических моделей. В области финансов равновесие состоит в согласовании требований реальных (производительные) активов и капиталом предприятия. Для менеджмента равновесие предопределяет процесс принятия управленческого решения, оптимальность которого зависит от взвешивания объективных и субъективных факторов, положительных и негативных сторон. Причем наиболее применим в экономическом анализе права управленческий по своей природе процесс анализа выгод и издержек (от англ. Cost-benefit analysis) [37; 51; 59]. Суть данного инструментального подхода состоит в установлении стоимости выгод и издержек, а также их сравнения в отношении определенной деятельности, чаще всего экономической. Конечной целью такого анализа является достижение оптимального равновесия выгод и издержек. Несомненным достоинством анализа выгод и издержек с точки зрения конституционного судопроизводства выступает приведение различной экономической и социальной деятельности к общему знаменателю, позволяющему более точно уравновешивать конфликтующие интересы. Например, при оценке законодательного или административного регулирования зачастую не проводится оценка их экономических последствий, которые с точки зрения рассматриваемого подхода поддаются измерению.

Indeed, in order to achieve the quality of commensuration, it is necessary to correlate two phenomena or objects. In addition, the category ‘constitutionality’ is also based on a correspondence between the provisions of the Constitution, as a controlling scale, and the verifiable norms of laws and other objects of judicial review. In this regard, it is possible to turn to academic disciplines, which have a more applied value in judicial balancing of private and public interests.

3. Economics, Sociology and Political Science

3.1. Economics

In Russian economics, the term ‘proportionality’ is identified with the observance of ‘proportions, rational structural relationships in the economy, coordinated development of industries, spheres, regions’ [28, p. 335]. The related concept of economic equilibrium is also widely used in this discipline. According to Murray Milgate, equilibrium analysis ‘has been the foundation upon which economic theory has been able to build up its not inconsiderable claims to ‘scientific’ status’ [50, p. 3851]. According to the researcher at Queens’ College, Cambridge University, ‘equilibrium’ not only became a ‘central organizing category around which economic theory was to be constructed’; it is equally noteworthy that ‘the formal introduction of the concept into economics is associated with those very writers whose names are closely connected with the foundation of economic science’ [50, p. 3853].

In his works, Adam Smith, one of the founders of economic theory, known for his idea of an ‘invisible hand’, substantiated the society’s pursue for equilibrium, taking into account natural economic conditions. One of such conditions is the natural price, which ‘is, as it were, the central price, to which the prices of all commodities are continually gravitating. Different accidents may sometimes keep them suspended a good deal above it, and sometimes force them down even somewhat below it. But whatever may be the obstacles which

hinder them from settling in this center of repose and continuance, they are constantly tending towards it.’ [27, p. 112]. J. S. Mill, another classic of economic thought, saw in equilibrium primarily a static state, distinguishing it from the driving forces of the economic system. ‘We still have to consider the economic conditions of mankind as liable to change,’ the scientist writes, ‘thereby adding the theory of motion to our theory of equilibrium – the Dynamics of political economy to the Statics’ [20, p. 7].

Based on such general theoretical concepts, economic equilibrium can be found in various areas of the economic system [53]. From the point of view of microeconomics, a market equilibrium is defined as the relationship between supply and demand. Similarly, equilibrium is also considered the basis of macroeconomic models. In the field of finance, equilibrium is revealed in balancing the requirements of real (productive) assets and the capital of an enterprise. In management, equilibrium predetermines the process of making a managerial decision, whose optimality depends on weighing the objective and subjective factors, positive and negative aspects. Moreover, the most applicable in the economic analysis of law is the managerial nature of the process of cost-benefit analysis [37; 51; 59]. The essence of this instrumental approach is in establishing the value of benefits and costs, as well as their comparison in relation to a certain activity, most often an economic one. The ultimate goal of such an analysis is to achieve an optimal balance of benefits and costs. The undoubted advantage of the cost-benefit analysis in terms of constitutional proceedings is the conversion of various economic and social activities to a common denominator, which makes it possible to balance conflicting interests more accurately. For example, when assessing legislative or administrative regulation, their economic consequences are rarely evaluated, although they can be measured through economic analysis of law.

Такой инструментальный подход получил широкую поддержку в юриспруденции среди сторонников школы «право и экономика». Ее наиболее ярким представителем является Ричард Познер [Richard Posner]. Этот американский юрист основывается в своих рассуждениях на теореме Рональда Коуза [Ronald Coase] [36], которая в упрощенной форме представлена Р. Познером следующим образом: если транзакции (понимаемые в качестве любой деятельности, влияющей на использование ресурсов) были бы лишены издержек, то первоначальное распределение прав собственности не влияло бы на окончательный способ использования собственности [57, pp. 6–7]. Фактически такая трактовка предполагает минимизацию внешних по отношению к экономической системе факторов (экстерналий, например, государственного вмешательства), за счет чего участники рыночных отношений достигают равновесного состояния. Подобные подходы Р. Познера базируются на понятии эффективности, которое считается для экономического анализа права важным этическим критерием принятия решения, в том числе государственной политики по распределению ресурсов. Причем понятие эффективности исходит из отождествления человека с рациональным максимизатором своих жизненных устремлений и личной выгоды [57, p. 12].

С точки зрения Р. Познера, социальные издержки (например, передача ресурсов через налогообложение от богатому к бедному) уменьшают богатство общества, тогда как частные издержки связаны лишь с перераспределением этого богатства [57, p. 7]. Применительно к принципу соразмерности такой подход отдаст в силу минимальности издержек предпочтение области частноправовых отношений, где общее богатство увеличивается или только перераспределяется. Напротив, исходя из высоких издержек общее богатство сокращается при распределении публичных ресурсов, которое соответственно должно быть минимизировано.

Данная методология была подвергнута вполне обоснованной критике со стороны представителей моральной философии права [38] и сторонников критических юридических исследований [46]. Так, критикуя наиболее радикальных представителей школы экономического анализа права, Дункан Кеннеди [Duncan

Kennedy] указывает на несостоятельность этой методологии в претензии на универсальное применение во всем правовом порядке. Такой способ принятия решений судьями, законодателями и управленцами о согласовании выгод и потерь всех заинтересованных сторон при всей своей кажущейся нейтральности неизбежно предполагает противоречивый моральный выбор [46, pp. 387–388]. Кроме того, по мнению профессора Гарвардской школы права, представленная методология не учитывает критерий «дистрибутивной справедливости, который должен обуславливать несогласие с диктатом эффективности в конкретных делах или направлять наш выбор, если существуют более чем одно эффективное решение» [46, p. 388]. Распространяя такую критику на область конституционных прав, можно увидеть, что иногда принятое в рамках рассматриваемой методологии наиболее выгодное для обеих сторон решение в действительности компенсируется издержками третьих сторон. В последнем случае речь может идти о вреде экологическим или социальным интересам. В итоге действительно равновесное решение будет предполагать такой результат взаимодействия элементов экономической системы, когда эти элементы находятся в точке оптимального состояния. Однако при принятии соразмерного решения должны учитываться его социальные последствия в отношении внешних для экономики, но не менее значимых интересов.

Подходы школы экономического анализа права неоднозначно восприняты в российской юриспруденции. С одной стороны, представители отечественной теории права находят рассматриваемую методологию хотя и любопытной, но попросту неприменимой в российском правовом порядке [3]. Еще более радикальной выглядит критика данной методологии отдельными российскими цивилистами. Например, профессор Высшей школы экономики А. Я. Курбатов считает заимствование методологии экономического анализа права формой «насаждения подходов, характерных для системы общего права (англосаксонской правовой семьи)» [17, с. 115]. Во многом такая авторская критика касается более общих вопросов юрисдикции Конституционного Суда РФ, которые проявляются при использовании элементов экономического анализа права (заимствование иностран-

Such an instrumental approach has received wide support in jurisprudence among followers of the ‘law and economics’ movement. Its most prominent representative is Richard Posner. This American lawyer bases his reasoning on Ronald Coase's theorem [36], which is presented in a simplified form by R. Posner as follows: if transactions (understood as any activity affecting the allocation of resources) are costless, the initial assignment of property rights will not determine the ultimate use of the property [57, p. 6–7]. In fact, such an interpretation presupposes minimization of factors external to the economic system (e.g., externalities of state intervention), due to which participants achieve an equilibrium state in market relations. Similar approaches of R. Posner are based on the concept of efficiency, which is considered to be an important ethical criterion of decision making, including state policy on resource allocation, for economic analysis of law. Moreover, the concept of efficiency comes from the identification of a person with a rational maximizer of his or her life aspirations and personal benefits [57, p. 12].

From Posner's point of view, social costs (for example, the transfer of resources through taxation from rich to poor) reduce the wealth of society, while private costs are only associated with redistribution of this wealth [57, p. 7]. In relation to the principle of proportionality, this approach, due to the minimization of costs, gives preference to the field of private law relations, where the total wealth increases or is only redistributed. On the contrary, based on high costs, total wealth is reduced in the allocation of public resources, which should accordingly be minimized.

This methodology has been subjected to quite reasonable criticism from representatives of the moral legal philosophy [38] and supporters of critical legal studies [46]. For example, criticizing the most radical representatives of the school of economic analysis of law, Duncan Kennedy points to the failure of this methodology in its claim to universal application in the whole legal system. This method of making decisions by judges, legislators

and administrators, which adds up the gains and the losses of all parties concerned, notwithstanding its apparent neutrality, inevitably involves controversial value judgment [46, pp. 387–388]. In addition, according to the professor at Harvard Law School, the presented methodology does not take into account the criterion of ‘distributional equity’, which might lead us to disregard for the dictates of efficiency in particular cases or guide our choice when there is more than one possible efficient solution. [46, p. 388]. By extending such criticism to the field of constitutional rights, one can see that sometimes a decision made within the framework of the methodology under consideration and being the most advantageous for both parties, in fact, is compensated by the costs of third parties. In the latter case, one can talk about harm to environmental or social security interests. As a result, a truly equilibrium decision will assume such a result of interaction between the elements of the economic system when these elements are at the point of optimal state. However, when making a proportionate decision, it is necessary to take into account its social consequences concerning interests that are external to the economy but no less significant.

The approaches of the economic analysis of law movement are perceived ambiguously in Russian jurisprudence. On the one hand, representatives of the Russian theory of law find the considered methodology, though curious, but simply not applicable in the legal order of the country [3]. The criticism of this methodology by individual Russian private law scholars is even more radical. For example, A. Ya. Kurbatov, a professor at the Higher School of Economics, considers borrowing of the methodology of economic analysis of law to be a form of ‘implanting approaches that are characteristic of the common law system (the Anglo-Saxon legal family)’ [17, p. 115]. In many ways, this criticism of authors refers to more general issues of jurisdiction of the Constitutional Court of the Russian Federation, which appear when using elements of the economic analysis of law (borrowing

ного правового опыта, фактическое нормотворчество под видом судебной деятельности и т.д.). Собственно, методология экономического анализа кажется опасной скорее в силу ее непривычности для отечественных условий.

Школа «право и экономика» приобрела широкую поддержку в российской цивилистике, а в государственном управлении определила распространение доктрины конституционной экономики. По мнению одного из лидеров этого научного направления Г. А. Гаджиева, основным предметом конституционной экономики выступают «общественные отношения, возникающие при вмешательстве публичной власти в частную экономическую деятельность. При этом пределы для регулирования экономических отношений со стороны публичной власти задаются такими важнейшими для конституционного права принципами, как правовое государство, пропорциональность и соразмерность» [7, с. 39]. Таким образом, с точки зрения конституционной экономики соразмерность представляет собой один из центральных принципов и средств поддержания равновесия в хозяйственной жизни.

Такие подходы данной научной школы по отношению к соразмерности уже были использованы Конституционным Судом РФ в оценке вмешательства государства в экономическую сферу [29]. Например, согласно постановлению от 16 июля 2008 г. № 9-П, «вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению»¹. Тем самым нахождение в конституционном судопроизводстве равновесия между вмешательством в экономические свободы и защитой иных социальных ценностей является неотъемлемым условием устойчивого развития.

Важной сферой применения принципа соразмерности в практике конституционного правосудия выступает анализ выгод и издержек.

Подчеркивая неспособность экономики разрешить любые юридические проблемы, М.И. Одинцова считает такой междисциплинарный подход пригодным лишь при определенной постановке проблемы. По мнению российского ученого, «экономист сравнивает два альтернативных правовых решения, с точки зрения соотношения их выгод и издержек, и можно сказать, что на чаши весов он кладет альтернативные правовые нормы, но их веса определяются соотношением издержек и выгод, возникающих при каждом из альтернативных правовых решений. Наибольший вес получает та правовая норма, которая эффективна или для которой соотношение издержек и выгод складывается в пользу последних» [21, с. 224]. Тем самым подобный междисциплинарный анализ может использоваться конституционной юстицией преимущественно на стадии проверки пригодности и необходимости как элементов принципа соразмерности. Здесь, с одной стороны, происходит взвешивание выгод от достижения публичных целей, а с другой стороны, осуществляется оценка издержек, которые несут частные лица в результате вмешательства в их конституционные права.

3.2. Социология

Так же как и в экономике, в социологии идея соразмерности выражается в концепции равновесия (от англ. Equilibrium) как согласованности отдельных элементов социальной системы. Авторы британского социологического словаря следующим образом определяют данную концепцию: «социальные системы находятся в состоянии равновесия тогда, когда действующие в них силы сбалансированы, вследствие чего эти общества являются стабильными» [1, с. 375]. Тем самым уже из элементарных представлений о социальном равновесии можно заключить, что согласование интересов различных социальных групп является основой порядка в обществе. Игнорирование необходимости такого согласования ведет к неустойчивости в развитии общества, а в крайних случаях может провоцировать социальные революции.

Идея равновесия была обстоятельно разработана в трудах Толкотта Парсонса [Talcott Parsons]. Под социальным равновесием классик американской социологии понимал определенное состояние общества как системы, при котором согласованное взаимодействие ее частей обеспечивает порядок и равновесие. «Наиболее

foreign legal experience, positive rule-making under the guise of judicial activity, etc.). Actually, the methodology of economic analysis seems rather dangerous because of its unusualness for Russian context.

The school of 'law and economics' has gained wide support in Russian civil law, and in public law it has determined the spread of the doctrine of constitutional economics. According to G. A. Gadzhiev, one of the leaders of this academic movement, the main subject matter of constitutional economics is 'social relations arising from the interference of public authority in private economic activity. The limits for regulating economic relations on the part of public authorities are set by such principles as the rule of law, proportionality and commensuration, that are most crucial for constitutional law' [7, p. 39]. Thus, from the point of view of constitutional economy, proportionality is one of the central principles and means of maintaining equilibrium in economic life.

Such approaches of this academic movement in relation to proportionality have already been used by the Constitutional Court of the Russian Federation in assessing state intervention in the economic sphere [29]. For example, according to the Judgment of July 16, 2008 No. 9-P 'state interference in property relations shall not be arbitrary and shall not violate the balance between social interests and the necessary conditions for the protection of the personal fundamental rights. It presumes reasonable proportionality between the means used and the aims pursued in order to ensure a balance of constitutionally protected values and to protect a person against excessive burden.'¹ Thus, finding a balance in constitutional proceedings between interference in economic freedoms and protection of other social values is an essential condition for sustainable development.

An important area of application of the proportionality principle in practice of constitutional justice is the cost-benefit analysis. Emphasizing

the inability of the economy to resolve any legal problems, M. I. Odintsova considers such an interdisciplinary approach suitable only under a certain formulation of the issue. According to the Russian scholar, 'an economist compares two alternative legal solutions in terms of the ratio of their benefits and costs, and one can say that he puts alternative legal norms on the scales, but their weights are determined by the ratio of costs and benefits arising from each of the alternative legal decisions. The greatest weight is given to the legal norm that is effective or for which the ratio of costs and benefits is in favor of the latter' [21, p. 224]. Thus, such an interdisciplinary analysis may be used by constitutional justice mainly at the stage of testing suitability and necessity as elements of the principle of proportionality. On the one hand, there takes place weighing of benefits from achieving public goals; on the other hand, there is performed assessment of costs incurred by individuals as a result of interference with their constitutional rights.

3.2. Sociology

As is the case in economics, the idea of proportionality is expressed in the concept of equilibrium in sociology as the consistency of individual elements of the social system. The authors of the British Sociological Dictionary define this concept as follows: 'social systems are in a state of equilibrium when the forces acting in them are balanced, as a result of which these societies are stable' [1, p. 375]. It becomes possible to conclude from elementary ideas about social equilibrium that the coordination of the interests of various social groups is the basis of order in society. Ignoring the need for such coordination leads to instability in the development of society, and in extreme cases it can provoke social revolutions.

The idea of equilibrium was elaborated in works of Talcott Parsons. By social equilibrium, the American sociologist of the classical tradition understood a certain state of society as a system in which the coordinated interaction of its parts provides order and balance. In his view, 'The most

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 30, ч. 2, ст. 3695.

¹ Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 2008. No.30 (Pt. 2). Art. 3695.

общим и основным свойством системы, – в представлениях Т. Парсонса, – служит взаимозависимость частей и переменных. Взаимозависимость заключается в существовании детерминированных отношений между частями или переменными в противовес случайному непостоянству. Другими словами, взаимозависимость – это порядок в отношениях между входящими в систему компонентами. Этот порядок должен обладать тенденцией к самоподдержанию, которое в весьма общих чертах выражается в понятии равновесия» [67, р. 107]. Поэтому общество, чтобы быть стабильной системой, неизбежно стремится к равновесию.

В учении Т. Парсонса средства социального контроля, мотивирующие акторов не совершать отклонений от ролевых ожиданий, противодействуют отклонениям в системе и представляют собой не что иное, как «механизм восстановления равновесия» [22, с. 309]. Именно в этом состоит динамический характер равновесия общества как системы, которая неизбежно стремится к такому состоянию и самоуравновешиванию.

Американский социолог придавал большое значение также коллективным представлениям и ценностным образцам в достижении равновесия общества. По его мнению, «именно консенсус членов общества по поводу ценностной ориентации их собственного общества означает институционализацию ценностного образца. Безусловно, такого рода консенсус достигается в разной степени. И в этом контексте самодостаточность определяется степенью, в которой институты общества легитимизированы согласованными ценностными приверженностями его членов» [23, с. 21]. Вместе с тем консервативная система ценностей общества, объединяя его членов в единое целое, может со временем вступить в противоречие с изменяющимися социальными условиями и вести к социальному дисбалансу. Этот вывод хорошо демонстрирует сильная приверженность членов американского общества ценностям самообороны и конституционного права на оружие (Вторая поправка к Конституции США¹). Американское общество и правопорядок держится за явно архаичную

норму о самозащите граждан во второй поправке на фоне массовых случаев чрезмерного использования оружия. Это может быть объяснено не только устойчивостью паттернов социального поведения свободолюбивых колонистов, но и значительным распространением идеологии индивидуализма в американском обществе. Рациональные юридические аргументы и прагматизм здесь оказываются мало эффективными для установления социального равновесия. Поэтому достижение сбалансированного состояния общества, согласование интересов основных социальных групп в нем требуют серьезного учета традиции и сложившейся иерархии ценностей конкретного государства.

Становление социологии как самостоятельной дисциплины в XIX – XX веках определило появление школы юриспруденции интересов в Германии (от нем. *Interessenjurisprudenz*) [43; 64] и теории интересов в юридическом реализме США [58]. Критикуя юридическую догматику (в первую очередь юриспруденцию понятий) за оторванность от реальной жизни, эти теоретические направления предпочитали рассматривать право в качестве средства согласования социальных интересов. По мысли Филиппа Хека [Philipp Heck], особое значение это приобретает в интерпретационном процессе: ведь «правовые нормы обычно основаны на взвешивании рассматриваемых интересов, поэтому судья должен стремиться определить, какие конфликтующие интересы были затронуты в связи с принятием указанной нормы и какие из затронутых интересов, исходя из установленного в правовой норме равновесия, могут быть отброшены» [43, S. 94–95].

Похожие взгляды во многом под влиянием идей Рудольфа фон Иеринга ([Rudolf von Jhering] были распространены в социологическом направлении дореволюционной философии права в России. Один из наиболее критически настроенных сторонников этой школы М. А. Рейснер противопоставлял уравновешенную социальную систему и классовое общество в условиях абсолютизма. «Государство, основанное на кастах, – пишет один из авторов первой советской конституции, – естественно, будет отличаться от организации, построенной на гармонии свободных общественных классов. Иным будет и обоснование власти, и правовая связь, и деятельность правительства в ее основ-

general and fundamental property of a system is the interdependence of parts or variables. Interdependence consists in the existence of determinate relationships among the parts or variables as contrasted with randomness of variability. In other words, interdependence is order in the relationship among the components which enter into a system. This order must have a tendency to self-maintenance, which is very generally expressed in the concept of equilibrium' [67, p. 107]. Therefore, in order to be a stable system, society inevitably strives for equilibrium.

In T. Parsons's theory, means of social control that motivate actors not to deviate from role expectations counteract deviations in the system and are nothing more than a 'mechanism for restoring equilibrium' [22, p. 309]. This is precisely what constitutes the dynamic nature of equilibrium of society as a system that inevitably strives for such a state and self-regulation.

The American sociologist emphasized the importance of collective representations and values in achieving equilibrium of society. In his opinion, 'it is the consensus of the members of society regarding the value orientation of their own society that means the institutionalization of the value model'. This kind of consensus is obviously achieved to varying degrees. Self-sufficiency is determined by the degree to which the institutions of society are legitimized by the agreed value priorities of its members' [23, p. 21]. At the same time, the conservative value system of society, unifying its members into a single whole, can contradict changing social conditions and lead to social disbalance. This conclusion clearly demonstrates the strong commitment of American society to the values of self-defense and the constitutional right to keep and bear arms (Second Amendment to the US Constitution¹). American society and the rule of

law stick to the clearly archaic self-defense rule. This may be explained not only by a consistent social behavior pattern of freedom-loving colonists but also by a significant spread of the individualism philosophy in American ideology. Rational legal arguments and pragmatism here are ineffective for social balance. Therefore, achieving a balanced state of society and coordinating the interests of major social groups require serious consideration of traditions and prevailing hierarchy of values of a particular state.

The development of sociology as an independent discipline in the 19th and 20th centuries determined the emergence of the school of jurisprudence of interests in Germany (Ger. – *Interessenjurisprudenz*) [43; 64] and the theory of interests in the U.S. legal realism [58]. Criticizing legal dogma (first of all, jurisprudence of concepts) for being remote from real life, these theoretical directions preferred to consider law as a means of coordinating social interests. According to Philip Heck, this becomes of particular significance in the interpretation process because 'legal norms are usually based on a balancing of the interests in question, so the judge should strive to determine which conflicting interests were affected in connection with the adoption of this rule and which of the interests concerned, based on the balance established in the legal rule, may be discarded' [43, pp. 94–95].

Largely influenced by Rudolf von Jhering's ideas, similar views were disseminated in the sociological school of the pre-revolutionary philosophy of law in Russia. M. A. Reisner, one of the most unsympathetic proponents of this school, contrasted a balanced social system and a class society under absolutism. 'A state based on castes,' writes one of the authors of the first Soviet constitution, 'will naturally differ from an organization built on the equilibrium of free social classes. There will also be another justification of power, and the legal

¹ См.: Билль о правах от 15 декабря 1791 г. [первые 10 поправок] // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты: пер. с англ. / под ред. О. А. Жидкова. М.: Прогресс, Универс, 1993. С. 40.

¹ Bill of Rights of December 15, 1791. [The first 10 amendments]. *The United States of America: Constitution and legislative acts*. Transl. from English and ed. by O.A. Zhidkov. Moscow. Progress, Univers Publ. 1993. P. 40.

ных целях и средствах» [24, с. 81]. В этом сравнении, которое основано на идеи социального равновесия и противоречащего ему классового строя, можно обнаружить элементарные характеристики идеи соразмерности (обоснованность публичных целей, взаимосвязь целей и средств правительственной деятельности, социальная гармония как идеал).

Концепция социального равновесия получает косвенное отражение в действующей Конституции РФ. В соответствии с преамбулой многонациональный народ Российской Федерации с принятием Основного закона стремится утвердить не только наиболее фундаментальные права, но и «гражданский мир и согласие». Такое конституционное устремление достижимо за счет согласования разноплановых социальных интересов и обеспечения их оптимального состояния. Ведь с точки зрения лингвистики понятия меры и мира в русском языке являются родственными.

В нахождении общественного согласия основных социальных групп российские конституционалисты видят важнейшую функцию действующего Основного закона. По мнению судьи Конституционного Суда РФ А. Н. Кокотова, глубинная сущность и сила Конституции состоит «в обеспечении хотя бы минимального баланса всех групп общественных запросов, такого баланса, который, даже не будучи во всем справедливым, удерживает людей от агрессивных способов отстаивания собственных интересов» [15, с. 15]. Такой взгляд на социальное равновесие в конституционализме предполагает, с одной стороны, достижение на практике минимально возможной, а не математически точной пропорции в согласуемых интересах. С другой стороны, законодательство и конституционное правосудие должны бороться лишь с крайними формами человеческого эгоизма. Полное исключение последних из демократического процесса на практике будет вести к ущемлению прав меньшинства. Если сегодня какие-то частные интересы кажутся простым эгоизмом, то завтра они способны овладеть целой социальной группой, еще вчера малочисленной. Для буржуазии XVIII–XIX веков интересы наемных рабочих были не более чем их личной прихотью. В современных условиях антиобщественная зависимость наркоманов, алкоголиков, курильщиков, игроманов и т. п., несомненно, требует приоритетного учета пуб-

личного интереса. В то же время «эгоизм» потребителей, предпринимателей, охотников, рыболовов, веганов, велосипедистов и других значительных социальных групп, напротив, обуславливают необходимость принятия законодательных мер, которые бы позволяли обеспечивать приоритет их частных или групповых интересов над общим благом. Отставание законодателя в оценке интересов малочисленных, но активных социальных групп (например, сельских жителей, горожан, провинциалов, жителей столичных городов) непосредственно влияет на результаты выборов и иные формы гражданских инициатив. Тем самым достижение в правотворчестве и правоприменении равновесия интересов отдельных членов общества выступает средством разрешения ключевых социальных проблем.

3.3. Политология

Значение, которое придают ценностям и установкам в достижении социального равновесия, позволяет обратить внимание на понятие соразмерности в политической науке. В монографическом исследовании этой темы предложено представление «о пропорциональности развития социально-политических систем как определенном стремлении их элементов к балансу, опорной точкой которого выступает опыт прежнего существования системы [и иные] ... моменты, которые, вопреки свойственным любой социально-политической системе противоречиям, заставляют ее стремиться к развитию, сбалансированному во всех своих проявлениях» [25, с. 4]. Отсюда пропорциональность в этой области знания отождествляется со стабильностью политической системы в целом.

Наряду с такой широкой трактовкой для понимания отечественной модели рассматриваемого конституционного принципа важной представляется взаимосвязь соразмерности с политической идеологией. В российской социально-политической системе идеология продолжает играть значительную роль. В настоящее время нельзя игнорировать взаимосвязь идеологии и соразмерности в практике конституционного правосудия.

Прежде всего это связано с социалистической традицией в праве. Коммунистическая идеология, которая господствовала более 70 лет во всех сферах нашего государства, переплеталась с идеей соразмерности. Провал коммунистического проекта означает утопичность не

connection, and the activity of the government for its main goals and means' [24, p. 81]. In this comparison, which is based on the idea of the social equilibrium and the class-based society as contradicting it, one can find elementary characteristics of the idea of proportionality (the legitimacy of public goals, the rational connection of governmental goals and means, equilibrium as a societal ideal).

The concept of social equilibrium is indirectly reflected in the current Constitution of the Russian Federation. In accordance with the preamble, by adopting the Basic Law, the multinational people of the Russian Federation pursue to establish not only the fundamental rights but also 'civil peace and harmony'. Such a constitutional aspiration is achieved by coordinating diverse social interests and ensuring their optimal state. Indeed, from the point of view of linguistics, in the Russian language the concepts *measure (mera)* and *peace (mir)* are related.

In the opinion of Russian constitutional law professors, finding a social consensus of the main social groups is the most important function of the current Basic Law. According to A. N. Kokotov, judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, deep essence and strength of the Constitution is in 'ensuring at least a minimum balance of all groups of public requests, such a balance that, being even not fair, deters people from aggressive methods of defending their own interests' [15, p. 15]. Such an approach to social equilibrium in constitutionalism assumes achieving a minimally possible rather than mathematically accurate proportion in interests being reconciled. However, legislation and constitutional justice should fight against extreme forms of human egoism. Complete exclusion of the latter from democratic process in practice will lead to infringements of minority rights. Today some private interests seem to be mere egoism, but tomorrow they may be able to take hold of a whole social group, which was small in number the day before. The interests of employees were nothing more than their personal whims for the 18–19th century bourgeoisie. In modern context, the antisocial dependence of drug

addicts, alcoholics, smokers, gamers, etc., undoubtedly, requires priority consideration of public interest. At the same time, the 'egoism' of consumers, entrepreneurs, hunters, fishers, vegans, cyclists, and other important social groups, on the contrary, requires adoption of appropriate legislative measures, which would allow giving their private or group interests priority over the common good.

Lagging behind in assessing the interests of small but active social groups (for example, rural residents, urban residents, provincials, residents of capital cities) by the legislator directly affects the election outcomes and other forms of civic initiatives. Thus, achievement of the balance of interests of individual members of society in lawmaking and law enforcement serves as a means of resolving key social problems.

3.3. Political Science

The importance attached to values and attitudes in achieving social equilibrium allows us to draw attention to the concept of proportionality in political science. In a monographic research on this topic, there have been proposed a vision 'of the proportionality in the development of socio-political systems as a definite striving of their elements for balance, the reference point of which is the experience of the system's previous existence [and other] ... characteristics that, contrary to contradictions inherent in any socio-political system, compel it to strive for development, balanced in all its manifestations' [25, p. 4]. Hence, proportionality in this discipline is identified with stability of the political system as a whole.

Along with such a broad interpretation, for understanding the Russian model of the constitutional principle under consideration, the relationship of proportionality with political ideology seems of paramount importance. Ideology continues to play a significant role in the Russian socio-political system. At present, one cannot ignore the relationship between ideology and proportionality in case law of constitutional justice.

First of all, this is connected with the socialist tradition in law. Communist ideology, which dominated in all spheres for over 70 years, was intertwined with the idea of proportionality. The failure

только построения бесклассового общества, но и гармонии между интересами отдельной человеческой личности и всего общества в отдельной взятой стране. С точки зрения соразмерности левая идеология, полагая возможным симбиоз публичных и частных интересов, фактически допустила исключение последнего компонента в общественно-политической системе.

В то же время идея соразмерности изначально представляла собой инструмент либеральной идеологии. По сути, этот принцип направлен на создание юридических механизмов, предотвращающих произвол публичной власти. Более конкретно соразмерность препятствует принятию чрезмерных законов или произволу администрации и судов. Сейчас либеральная идеология не отвечает идеологическим ожиданиям большинства россиян. Такой концепт, пожалуй, популярен лишь среди незначительной части новой интеллигенции, иначе обозначаем в качестве творческого класса (от англ. *creative class* [39]). Несмотря на включенность новой социальной группы в глобальное мироустройство и активное формирование общественного мнения во многих странах, в России эта социальная группа пока не влиятельна в политической системе.

Либеральная идеология в целом не обладает широкой поддержкой в российском обществе и серьезно не сказывается на решениях, принимаемых большинством в российском парламенте. В то же время конституционализму имманентно присуща идея по установлению барьеров для публичной власти. Если ее принимать всерьез, а не отождествлять конституцию с рядовым законодательным актом, то требуется уравновесить противоположные идеологические установки. Решающее значение будет иметь не просто следование левой (социалистической, классической социал-демократии) или правой идеологии (консервативной, неолиберальной). С точки зрения соразмерности скорее важно место, которое отводит конкретная политическая идеология публичному интересу в законотворчестве, управлении и правосудии.

Здесь можно посмотреть на примеры государств, где публичным интересам в силу длительной традиции придается значительный вес. Так, Япония представляет собой не просто государство с глубокими синтоистскими традициями, но правовой порядок, при котором публичные интересы на конституционном уровне из-

начально превалирует над частным благом. В соответствии со статьей 12 Конституции Японии, основные права поддерживаются постоянными усилиями самих граждан, а «народ должен воздерживаться от каких бы то ни было злоупотреблений этими свободами и правами и несет постоянную ответственность за использование их в интересах общественного благосостояния»¹. Здесь Конституция Японии на первое место ставит общественное благо, скорее напоминая гражданам о недопустимости злоупотребления своей свободой.

Среди прочего такой приоритет публичных интересов является одной из причин неуспешности конституционного контроля в Японии [48; 49]. Ведь законодательство и административная практика не способны стать предметом судебного конституционного контроля, когда носитель частного интереса пытается противопоставить себя всеобъемлющей отцовской заботе со стороны государства в духе синтоизма.

В любом правовом порядке, при котором суды исходят из презумпции значительного веса общего блага, частные интересы будут игнорироваться как неравноположенные ценности. Эта статисткая идеология, оправдывающая любое государственное вмешательство под видом высшего блага, не позволяет достичь равновесия публичного и частного в конституционном судопроизводстве. С таких позиций либеральная критика практики органов конституционного правосудия переходит из категории необходимой обратной связи в деятельность, граничащую с диссидентством или даже экстремизмом. При этом нельзя считать, что идеология судьи Конституционного Суда при сохранении формального нейтралитета и независимости является таковой на практике. Например, от заместителя председателя Конституционного Суда РФ, имеющего опыт исследований в области трудового права, вряд ли нужно ожидать либерального подхода в регулировании трудовых отношений². Это, напротив, выглядело странно. Идеологические взгляды предопределяют не только внутреннее убеждение судьи, как это предусмотрено в отношении основных видов

¹ См.: Конституция Японии от 3 ноября 1946 г. // Конституции зарубежных государств / сост. В. В. Маклаков. М.: Infotropic Media, 2012. С. 602–603.

² См.: Конституционный Суд РФ: [официальный сайт]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Judges/Pages/judge.aspx?Param=12> (дата обращения: 01.02.2020).

of the communist project means not only utopianism of building a classless society, but also the harmony between the interests of a private person and a whole society in a particular country. From the position of proportionality, the left-wing ideology, believing in possible symbiosis of public and private interests, actually allowed exclusion of the latter component from the socio-political system.

At the same time, the idea of proportionality was originally an instrument of liberal ideology. In fact, this principle is aimed at creating legal mechanisms to prevent the arbitrariness of public authority. More specifically, proportionality impedes the adoption of excessive laws or the abuse of power by administration and courts. Now liberal ideology does not meet the ideological expectations of the majority of Russians. This concept seems to be popular only among an insignificant part of the new intelligentsia, also designated as a creative class [39]. Despite the inclusion of the new social group in the global world order and the active formation of public opinion in many countries, this group is not yet influential in the Russian political system.

In general, liberal ideology has no wide support in Russian society and does not seriously influence decisions taken by the majority in the Russian parliament. At the same time, the idea of creating barriers to public authority is immanently inherent in constitutionalism. Taking the constitution seriously, rather than regarding it as an ordinary legislative act, it is necessary to balance opposing ideological attitudes. Of crucial importance will be not just sharing the ideas of either the leftist (socialist, classical social democracy) or the right-wing ideology (conservative, neo-liberal): from the position of proportionality, the role that a specific political ideology assigns to the public interest in lawmaking, governance and justice is rather important.

Here one can consider the examples of states which give a significant weight to the public interest due to a long-standing tradition. For instance, Japan is not just a state with deep Shinto traditions, but a legal order, where public interests initially

prevail over the private good at the constitutional level. In accordance with Article 12 of the Constitution of Japan, fundamental rights are supported by continuous efforts of citizens themselves, and ‘the people should refrain from any abuse of these freedoms and rights and bears constant responsibility for using them in the interests of public welfare.’¹ Here, the Japanese Constitution puts the public good in the first place, reminding citizens of the inadmissibility of abuse of freedoms.

Among other things, such a priority of public interests is one of the reasons for the failure of constitutional control in Japan [48; 49]. After all, legislation and administrative practice are not able to become the subject of judicial constitutional review, when the bearer of private interest tries to oppose the comprehensive fatherly care of the state in the spirit of Shintoism.

In any legal system, where the courts proceed from the presumption of a significant weight of the common good, private interests will be ignored as unequal values. A statist ideology that justifies any government intervention under the guise of the supreme good does not allow achieving a balance of the public and the private in constitutional proceedings. From this perspective, liberal criticism of the case law of constitutional justice moves from the category of the necessary feedback to activities on the verge of dissension or even extremism. Meanwhile, it cannot be considered that the ideology of a Constitutional Court judge while maintaining formal neutrality and independence is such in practice. For example, one should hardly expect a liberal approach to the regulation of labor relations from the deputy chairperson of the Constitutional Court of the Russian Federation, having experience in labor law research². On the contrary, it would, look strange. Ideological views determine not only the internal attitude of a judge, as is provided for in relation to main types of legal

¹ See: Constitution of Japan of November 3, 1946. *Constitutions of foreign states*. Comp. by V.V. Maklakov. Moscow. InfotropicMedia Publ. 2012. Pp. 602–603.

² See: Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. Available at: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Judges/Pages/judge.aspx?Param=12> (accessed 01.02.2020)

судопроизводства в России¹, но и соответствующее этим убеждениям восприятие принципа соразмерности в конкретных делах. Несмотря на отсутствие соответствующей процессуальной нормы в конституционном судопроизводстве, вряд ли стоит высоким судьям запретить следовать их внутренним убеждениям в конкретных делах. В российских условиях недостатком является скорее отсутствие предсказуемости условного либерального судьи. В случае угрозы ценностям свободного рынка и автономии человеческой личности от него ожидается не апелляция к традиционным ценностям, но скрупулезная оценка противоречащего публичного интереса.

Такое судебное поведение должно уравновешиваться сторонниками левых взглядов. Именно им проще обнаружить под высокими государственными задачами скрытый корпоративный интерес или благо иного частного благополучателя. Не вызывает сомнения правильность вывода А. Г. Карапетова о том, что «претензия на идеологическую нейтральность нередко является всего лишь более или менее осознанным риторическим приемом, упрощающим убеждение оппонента. Часто же это банальный самообман, вызванный неотрефлексированностью собственных идеологических предпочтений или предубеждений. Следует помнить, что за каждой *prima facie* чисто технической дискуссией юристов скрываются некие более или менее важные политико-правовые ставки, идеологические или этические установки и экономические доктрины независимо от того, осознают это участники спора или нет. ... Ученый в современных условиях не может скрывать те глубокие идеологические (экономические, но также и этические, философские и иные) основания, из которых вытекают базовые юридические принципы, доктрины и идеи» [14, с. 19].

¹ См.: п. 1 ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 2.12.2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012; ч. 1 ст. 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 2.12.2019 г.) // Там же. 2002. № 46, ст. 4532; ч. 1 ст. 84 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 2.12.2019 г.) // Там же. 2015. № 10, ст. 1391; ч. 1 ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 4.11.2019 г.) // Там же. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

Конечно, с точки зрения соразмерности привлекательно желание синтезировать достоинства и недостатки левой и правой идеологии. В специальных исследованиях на тему соразмерности даже высказано мнение о ценности использования концепции третьего пути (от англ. Third Way) [52]. Идеология третьего пути или новой социал-демократии наиболее обстоятельно была выражена в работах [41; 42] английского социолога Энтони Гидденса [Anthony Giddens]. Среди сторонников идеи «третьего пути» оказался президент США Билл Клинтон [Bill Clinton], британский премьер-министр Тони Блэр [Tony Blair] и Федеральный канцлер Германии Герхард Шредер [Gerhard Schröder], которые для поддержки своих левых партий стремились приспособить классическую социал-демократическую идеологию к изменениям эпохи глобализации и новых вызовов. Интересно, что в совместном политическом манифесте лидеров британских и немецких социал-демократов рассматриваемая политическая идеология в немецком варианте обозначается понятием новой середины (от нем. die neue Mitte) [35]. Здесь можно обнаружить прямые коннотации с представлениями срединного пути в политической этике. Однако синтезированная и на первый взгляд «срединная» идеология на практике чревата перерождением в крайней радикализм. Не случайно в качестве третьей позиции (от англ. The Third Position [63]) обозначают отдельные формы фашизма и правового популизма, которые одновременно отрицают марксизм и капитализм. Кроме того, у синтезированной идеологии могут быть близкие, но имеющие важные нюансы наименования, например, «либеральный социализм» [44] или «социальный либерализм» [60; 61].

В конституционной теории подобные синтезированные подходы также нашли развитие. В одной из работ Питера Берковица [Peter Berkowitz] была сформулирована концепция конституционного консерватизма [34]. В качестве основы этой концепции рассматриваются общие принципы Конституции США, которые должны разделять консерваторы и либертарианцы. Профессор права Стэнфордского университета считает, что признание императивов конституционного консерватизма потребует от представителей противоположных идеологий политической умеренности, что выражается в

proceedings in Russia¹, but also the perception of the proportionality principle in certain cases that corresponds to these attitudes. Despite the absence of an appropriate procedural norm in constitutional proceedings, it is hardly worth forbidding high judges to follow their internal attitudes in certain cases. In Russian context, what appears to be a disadvantage is the lack of predictability of a liberal judge. In case of a threat to the values of the free market and the autonomy of a person, he is expected not to appeal to traditional values but to scrutinize a conflicting public interest.

Such judicial behavior should be balanced by left-wing supporters. It is easier for them to discover when there is a hidden corporate interest or a privilege of some private beneficiary under the disguise of high public goals and policies. We undoubtedly agree with A.G. Karapetov who concludes that ‘the claim to ideological neutrality is often just a more or less deliberate rhetorical technique that simplifies the opponent’s opinion. This is often a banal self-deception caused by the non-reflection of one’s own ideological attitudes or prejudices. It should be remembered that behind each *prima facie* purely technical debate of jurists there are hidden some more or less important political and legal stakes, ideological or ethical attitudes and economic doctrines, regardless of whether the disputing parties are aware of this or not [...] In modern conditions, a researcher cannot hide those deep ideological (economic, but also ethical, philosophical and other) reasons from which the basic legal principles, doctrines and ideas follow’ [14, p. 19].

¹ See: Clause 1 of Article 71 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ of July 24, 2002 (as amended on 02.12.2019). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2002. No. 30. Article 3012; Pt. 1 of Article 67 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002 (as amended on 02.12.2019). *Ibid.* 2002. No. 46. Article 4532; Pt. 1 of Article 84 of the Code of Administrative Court Proceedings of the Russian Federation No. 21-FZ of March 8, 2015 (as amended on 02.12.2019). *Ibid.* 2015. No.10. Article 1391; Pt. 1 of Article 17 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on 04.11.2019). *Ibid.* 2001. No. 52 (Pt. 1). Article 4921.

Certainly, from the position of proportionality, the desire to synthesize the advantages and disadvantages of left and right-wing ideology is attractive. In special studies on proportionality, there was even expressed an opinion about the value of using the concept of the Third Way [52]. The ideology of the third way or the new social democracy was most thoroughly presented in the works [41; 42] by the English sociologist Anthony Giddens. Among the supporters of the idea of the ‘third way’ were US President Bill Clinton, British Prime Minister Tony Blair and Federal Chancellor of Germany Gerhard Schröder, who, in search for support for their left-wing parties, wanted to adapt the classic social-democratic ideology for changes in the era of globalization and new challenges. Interestingly, in the joint political manifesto of the leaders of the British and German social democrats, in its German version, the political ideology under consideration is denoted by the concept of a new middle (from German – die neue Mitte) [35]. Here, one can find direct connotations with representations of the middle way in political ethics. However, the synthesized and, at first glance, ‘median’ ideology is in practice likely to transform into extreme radicalism. It is not by chance that the Third Position [63] means certain forms of fascism and legal populism, which simultaneously deny Marxism and capitalism. In addition, a synthesized ideology may have names that are close, but have important nuances, for example, liberal socialism [44] or social liberalism [60; 61].

Similar synthesized approaches have also been developed in constitutional theory. In one of Peter Berkowitz’s essays, the concept of constitutional conservatism was formulated [34]. The general principles of the U.S. Constitution, which should be shared by conservatives and libertarians, are considered to be the basis for this concept. The former law professor of Stanford University believes that recognition of the imperatives of constitutional conservatism requires political moderation from their ideological opponents, namely it

балансировании конкурирующих, но одинаково важных принципов [34, pp. 21–22]. С учетом специфики американской политической системы срединный путь в политике в дополнение к классическим идеям либерализма или социализма (дерегулирование рынка, социальная защита, ставки налогообложения и др.) предполагает выделение нескольких базовых тем (миграции, глобализация международной торговли, протекционизм экономической политики, охрана окружающей среды и т.д.). Вокруг подобных проблем и должен осуществляться идеологический диалог в правотворческом процессе и конституционном судопроизводстве. Соответственно политическая соразмерность выражается в попытках достичь консенсуса между противоположными идеологическими установками по базовым конституционно-правовым проблемам. Кроме того, взаимосвязь сферы политики и принципа соразмерности обращает внимание на проблему диалога как формы взаимодействия конституционной юстиции с законодателем.

Результаты.

Взаимосвязь междисциплинарных аспектов соразмерности

В качестве результатов проведенного анализа необходимо подчеркнуть взаимосвязь отдельных аспектов междисциплинарного подхода в части применения конституционного принципа соразмерности. Так, идея об экономическом равновесии (по своей природе не олиберальная) и соответствующий ей метод экономического анализа права не могут быть успешно реализованы в случае игнорирования социологических представлений о равновесии между различными группами в обществе. Классический экономический либерализм со временем требует переосмысления. Так, в своей известной работе 1776 г. А. Смит обратил внимание на равновесие между прибылью и заработной платой: «В каждом обществе ... существует обычная или средняя норма как заработной платы, так и прибыли ... Если цена какого-либо товара соответствует тому, что необходимо для оплаты в соответствии с их естественными нормами ... заработной платы рабочим и прибыли на капитал, товар этот продается, можно сказать, по его естественной цене» [27, с. 109].

Вместе с тем сейчас подход к труду как товару неприемлем в силу осознания ценности интересов работника, а не только интересов предпринимателей. Это осознание после череды экономических кризисов получило непосредственное подтверждение членами Международной организации труда в Филадельфийской декларации 1944 г., в которой провозглашается, что «труд не является товаром» (п. «а»)¹. Поэтому для достижения экономического равновесия кроме собственно элементов хозяйственной системы необходимо учесть вес интересов «внешних» акторов, включая потребности значительной социальной группы наемных работников. Конфликт социологического и экономического аспектов идеи соразмерности требует поиска оптимального решения. Когда государство берет на себя непомерные социальные обязательства, теряется из виду ценность экономического развития. Чрезмерная государственная экспансия в хозяйственную жизнь не только провоцирует кризисы, но под прикрытием благого намерения выполнить собственные завышенные социальные обязательства массово умаляет конституционные права третьих лиц. Если же вмешательство в экономику слабое, то конституционные цели социальной государственности не достигаются и подвергается сомнению императив обеспечения достойного человеческого существования. Напротив, разумная умеренность неизбежного вмешательства государства в экономику обеспечивает устойчивый экономический рост.

Выводы

Обращение к междисциплинарным аспектам конституционного принципа соразмерности не отрицает ценности догматической юриспруденции. Скорее в силу сохраняющегося дефицита подобных исследований в российском конституционализме междисциплинарные и формально-юридические подходы здесь должны быть уравновешены.

¹ Декларация от 10 мая 1944 г. «Относительно целей и задач Международной Организации Труда», принята в г. Филадельфии на 26-й сессии Генеральной конференции МОТ [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

requires balancing of competing, yet equally important, principles [34, pp. 21–22]. Taking into account the specific features of the American political system, the middle way in politics, in addition to the classical ideas of liberalism or socialism (market deregulation, social security, tax rates, etc.), involves several basic topics (migration, globalization of international trade, economic protectionism, environmental protection, etc.). The ideological dialogue in the law-making process and constitutional adjudication should be carried out around issues of this kind. Accordingly, political proportionality is expressed in attempts to reach a consensus between opposing ideological principles associated with basic constitutional and legal issues. In addition, the relationship between the sphere of politics and the principle of proportionality draws attention to the problem of dialogue as a form of interaction between constitutional justice and the legislator.

Results.

Interrelationship of Interdisciplinary Aspects of Proportionality

The conducted analysis shows the interrelationship of separate aspects of the interdisciplinary approach in applying the constitutional principle of proportionality. For example, the idea of economic equilibrium (neoliberal in nature) and the corresponding method of economic analysis of law cannot be successfully implemented if sociological ideas about social equilibrium between different groups in society are ignored. Over time, classical economic liberalism requires rethinking. In his famous work (1776), Adam Smith drew attention to the balance between profit and salary: ‘There is in every society or neighborhood an ordinary or average rate both of wages and profit [...] When the price of any commodity is neither more nor less than what is sufficient to pay [...] the wages of the labor, and the profits of the stock employed in raising, preparing, and bringing it to market, according to their natural rates, the commodity is then sold for what may be called its natural price’

[27, p. 109]. However, nowadays the approach to labor as a product is unacceptable due to the recognition of the value of the employee’s interests, and not just the interests of entrepreneurs. After a series of economic crises, this awareness was directly confirmed by members of the International Labor Organization in the 1944 Declaration of Philadelphia, which proclaims that ‘labor is not a commodity’ (para. ‘a’)¹. Therefore, in order to achieve economic equilibrium, in addition to the elements of the economic system itself, it is necessary to pay attention to the weight of interests of ‘external’ actors, including the needs of a significant social group of employees. The conflict of the sociological and economic aspects of the idea of proportionality requires the search for an optimal solution. When the government assumes high social responsibilities, the value of economic development is lost. Excessive governmental expansion into economic life not only provokes crises, but under the pretense of a good intention to fulfill its own high social obligations, it massively infringes on third parties’ constitutional rights. If interference in economy is weak, then the constitutional goals of welfare state are not achieved and the imperative of ensuring a human dignity is questioned. On the contrary, rational moderation of the inevitable state interference in economy ensures sustainable development.

Conclusions

Turning to the interdisciplinary aspects of the constitutional principle of proportionality does not deny the value of dogmatic jurisprudence. Due to the insufficient number of such studies in Russian constitutional science, there is just a need for balancing the interdisciplinary and formal legal approaches.

¹ Declaration ‘Concerning the Aims and Purposes of the International Labour Organisation’ of May 10, 1944, adopted at twenty-sixth session of General Conference of ILO in Philadelphia. Available at: <http://www.law.edu.ru/centers/labour-law/norm/norm.asp?normID=1312118%20> (accessed 01.02.2020).

Библиографический список

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С.* Социологический словарь / Н. Аберкромби. 2-е изд. М.: Экономика, 2004. 620 с.
2. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 11-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 568 с.
3. *Антонов М. В.* О некоторых теоретических проблемах применения экономического анализа права в России // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2011. № 3. С. 10–25.
4. *Бланкенгель А.* О скрытой пользе сравнительного правоведения и сравнительного конституционного права // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2004. № 3 (48). С. 51–52.
5. *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1534 с.
6. *Васильева С. В.* Не доверяйте создание закона человеку, который хочет провести в нем только свои эгоистические интересы! // *Методология поиска (выбора) оптимальных правовых решений* / под науч. ред. М. В. Вилисова, И. Ю. Колесник, М. Нетесова и др. М.: Научный эксперт, 2012. Вып. 1–2. С. 116–119.
7. *Гаджиев Г. А.* Предмет конституционной экономики // *Очерки конституционной экономики* / отв. ред. Г. А. Гаджиев. М.: Юстицинформ, 2009. С. 37–91.
8. *Головко Л. В.* Правовая наука против social sciences: каким должен быть российский выбор? // *Закон.* 2014. № 12. С. 32–43.
9. *Голубок С. А.* Российское правосудие по европейским стандартам // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2010. № 5 (78). С. 172–174. Рец. на кн.: Бурков А. Л. Конвенция о защите прав человека в судах России. М.: Волтерс Клувер, 2010.
10. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4: Р–Я. М.: РИПОЛ классик, 2006. 672 с.
11. *Евсеев А. П.* Психология конституционного судопроизводства: монография. Харьков: Юрайт, 2013. 230 с.
12. *Ерышев А. А., Лукашевич Н. П., Сластенко Е. Ф.* Логика. 3-е изд. Киев: МАУП, 2000. 184 с.
13. Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В. В. Волкова. М.: Статут, 2012. 368 с.
14. *Карпетов А. Г.* Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.
15. *Кокотов А. Н.* Конституция и общество: баланс интересов // *Чиновник.* 2003. № 6. С. 15–21.
16. *Куликов Е. А.* Категория меры в праве: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 26 с.
17. *Курбатов А. Я.* Конституционный суд РФ: проблемы с компетенцией требуют решения // *Закон.* 2011. № 8. С. 115–122.
18. *Лопатин В. В., Лопатина Л. Е.* Русский толковый словарь. М.: Рус. яз., 2000. 831 с.
19. *Лосев А.* Мера // *Философская энциклопедия* / под ред. Ф. В. Константинова: в 5 т. М.: Сов. энцикл., 1964. Т. 3. С. 389–394.
20. *Милль Дж. Ст.* Основы политической экономии. М.: Прогресс, 1981. Т. 3. 447 с.
21. *Одинцова М. И.* Экономические доводы в Конституционном Суде: возможности и границы их применения // *Очерки конституционной экономики* / отв. ред. Г. А. Гаджиев. М.: Юстицинформ, 2009. С. 223–231.
22. *Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Акад. Проект, 2002. 830 с.
23. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 269 с.
24. *Рейснер М. А.* Государство. Ч. 2, ч. 3: Государство и общество; Государственные формы. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1912. 291 с.
25. *Санжаревский И. И.* Пропорциональность в современных социально-политических отношениях. Саратов: Изд-во Са-рат. ун-та, 2004. 144 с.
26. Словарь синонимов русского языка / сост. А. Ю. Мудрова. М.: Центрполиграф, 2009. 507 с.
27. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
28. *Стародубцева Е. Б.* Современный экономический словарь. 6-е изд. М.: ИНФРА-М, 2017. 512 с.
29. *Сырунина Т.* Перспективы и сложности применения судами экономического анализа права при разрешении споров // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2011. № 4(83). С. 79–90.
30. *Тимошина Е. В., Краевский А. А., Салмин Д. Н.* Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14: Право.* 2015. № 3. С. 4–34.
31. *Троицкая А.* Междисциплинарность в сравнительном конституционно-правовом исследовании // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2017. № 5 (120). С. 57–77.
32. *Этимологический словарь славянских языков.* Прагославянский лексический фонд. Вып. 19 (*mesař – *morzакъ). М.: Наука, 1992. 254 с.

References

1. *Abercrombie N. Sotsiologicheskii slovar' / N. Abercrombie, S. Hill, B.S. Turner.* 2-е изд. [Sociology Dictionary; N. Abercrombie, S. Hill, B.S. Turner. 2nd ed.]. Moscow, 2004. 620 p. (In Russ.).
2. *Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakticheskii spravochnik. 11-e izd.* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language: Practical Guide. 11th ed.]. Moscow, 2001. 568 p. (In Russ.).
3. *Antonov M. V. O nekotorykh teoreticheskikh problemakh primeneniya ekonomicheskogo analiza prava v Rossii* [On Some Theoretical Problems for Applying Economic Analysis in Russian Law]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics.* 2011. Issue 3. Pp. 10–25. (In Russ.).
4. *Blankengel A. O skrytoy pol'ze sravnitel'nogo pravovedeniya i sravnitel'nogo konstitutsionnogo prava* [On the Hidden Benefits of Comparative Jurisprudence and Comparative Constitutional Law]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review.* 2004. Issue 3 (48). Pp. 51–52. (In Russ.).
5. *Bol'shoye tolkovoye slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov* [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language; ed. by S. A. Kuznetsov]. St. Petersburg, 2000. 1534 p. (In Russ.).
6. *Vasil'eva S. V. Ne doveryayte sozdanie zakona cheloveku, kotoryy khochet provesti v nem tol'ko svoi egoisticheskie interesy!* [Do not Entrust Law-Making to a Person Who Wants to Pursue Only His Selfish Interests!]. *Metodologiya poiska (vybora) optimal'nykh pravovykh resheniy / pod nauch. red. M. V. Vilisova, I. Yu. Kolesnik, M. Netesova i dr.* [Methodology for Searching (Selecting) Optimal Legal Solutions; ed. by M. V. Vilisov, I. Yu. Kolesnik, M. Netesov et al.]. Moscow, 2012. Issue 1–2. Pp. 116–119. (In Russ.).
7. *Gadzhiev G. A. Predmet konstitutsionnoy ekonomiki* [The Scope of Constitutional Economics]. *Ocherki konstitutsionnoy ekonomiki / otv. red. G. A. Gadzhiev* [Essays on Constitutional Economics; ed. by G. A. Gadzhiev]. Moscow, 2009. Pp. 37–91. (In Russ.).
8. *Golovko L. V. Pravovaya nauka protiv social sciences: kakim dolzhen byt' rossiyskiy vybor?* [Legal Science against Social Sciences: what should Russia Choose?]. *Zakon – ZAKON.* 2014. Issue 12. Pp. 32–43. (In Russ.).
9. *Golubok S. A. Rossiyskoe pravosudie po evropeyskim standartam. Retenziya na knigu Bur-*

kov A. L. Konventsiya o zashchite prav cheloveka v sudakh Rossii (M.: Volters Kluver, 2010) [Russian Justice under the European Standards. Book Review: Burkov A. L. Convention on the Protection of Human Rights in the Courts of Russia (Moscow: Wolters Kluver, 2010)]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review.* 2010. Issue 5 (78). Pp. 172–174. (In Russ.).

10. *Dahl V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4-kh t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols.]. Moscow, 2006. Vol. 4. 672 p. (In Russ.).

11. *Evseev A. P. Psikhologiya konstitutsionnogo sudoproizvodstva: monografiya* [The Psychology of Constitutional Proceedings: Monograph]. Kharkov, 2013. 230 p. (In Russ.).

12. *Eryshev A. A., Lukashevich N. P., Slastenko E. F. Logika. 3-e izd.* [Logic; A.A. Eryshev, N. P. Lukashevich, E. F. Slastenko. 3rd ed.]. Kiev, 2000. 184 p. (In Russ.).

13. *Kak sud'i prinyimayut resheniya: empiricheskie issledovaniya prava / pod red. V. V. Volkova* [How Judges Make Decisions: Empirical Studies of Law; ed. by V. V. Volkov]. Moscow, 2012. 368 p. (In Russ.).

14. *Karapetov A. G. Ekonomicheskii analiz prava* [Economic Analysis of Law]. Moscow, 2016. 528 p. (In Russ.).

15. *Kokotov A. N. Konstitutsiya i obshchestvo: balans interesov* [Constitution and Society: Balance of Interests]. *Chinovnik* – Civil Servant. 2003. Issue 6. Pp. 15–21. (In Russ.).

16. *Kulikov E. A. Kategoriya mery v prave: voprosy teorii.* Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Concept of Measure in Law: Theoretical Issues: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2013. 26 p. (In Russ.).

17. *Kurbatov A. Ya. Konstitutsionnyy sud RF: problemy s kompetentsiyey trebuyut resheniya* [Constitutional Court of the Russian Federation: Competence Problems Need to Be Solved]. *Zakon – ZAKON.* 2011. Issue 8. Pp. 115–122. (In Russ.).

18. *Lopatin V. V., Lopatina L. E. Russkiy tolkovyy slovar'* [Russian Explanatory Dictionary]. Moscow, 2000. 831 p. (In Russ.).

19. *Losev A. Mera* [Measure]. *Filosofskaya entsiklopediya / pod red. F.V. Konstantinova. V 5 t.* [Encyclopedia of Philosophy; ed. by F.V. Konstantinov. In 5 vols.]. Moscow, 1964. Vol. 3. Pp. 389–394. (In Russ.).

20. *Mill J. S. Osnovy politicheskoy ekonomii* [Principles of Political Economy]. Moscow, 1981. Vol. 3. 447 p. (In Russ.).

33. *Этимологический словарь современного русского языка* / сост. А. К. Шапошников: в 2 т. М.: Флинта: Наука, 2010. Т. 1. 584 с.
34. *Berkowitz P.* Constitutional conservatism // *Policy Review*. 2009. Vol. 153. Pp. 3–22.
35. *Blair T.* Europe: the third way / die neue Mitte / T. Blair; G. Schröder // *The New Labour reader* / ed. A. Chadwick. Cambridge: Polity Press, 2003. Pp. 110–115.
36. *Coase R. H.* The Problem of Social Cost // *The Journal of Law and Economics*. 1960. Vol. 3. Pp. 1–44. DOI:10.1086/466560.
37. *Cost-benefit analysis* / ed. R. Layard, St. Glaister. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1994. 497 p.
38. *Dworkin R. M.* Is wealth a value? // *The Journal of Legal Studies*. 1980. Vol. 9, Issue 2. Pp. 191–226.
39. *Florida R.* The rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life. New York: Basic Books, 2002. 434 p.
40. *George T. E.* The Role of Personal Attributes and Social Backgrounds on Judging / T. E. George, T.G. Weaver // *The Oxford Handbook of U.S. Judicial Behavior* / ed. L. Epstein, St. A. Lindquist. New York: Oxford University Press, 2017. Pp. 286–339.
41. *Giddens A.* The third way and its critics. Cambridge, UK: Polity Press; Malden, MA: Blackwell Publishers, 2000. 189 p.
42. *Giddens A.* The third way: the renewal of social democracy. Malden, Mass.: Polity Press, 1999. 166 p.
43. *Heck P.* Gesetzesauslegung und Interessenjurisprudenz // *Archiv für die civilistische Praxis*. 1914. Bd. 112, H. 1. S. 1–318.
44. *Hunt I.* Liberal socialism: an alternative social ideal grounded in Rawls and Marx. Lanham: Lexington Books, 2015. 182 p.
45. *Jakobs M. Ch.* Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit. Mit einer exemplarischen Darstellung seiner Geltung im Atomrecht. Köln: Heymann, 1985. 243 S.
46. *Kennedy D.* Cost-benefit analysis of entitlement problems: a critique // *Stanford Law Review*. 1981. Vol. 33. Issue 3. Pp. 387–445.
47. *Kühn Z.* Worlds apart: Western and Central European judicial culture at the onset of the European enlargement // *The American Journal of Comparative law*. 2004. Vol. 52, Issue 3. Pp. 531–567.
48. *Law D. S.* The Anatomy of a Conservative Court: Judicial Review in Japan // *Texas Law Review*. 2009. Vol. 87, Issue 7. Pp. 1545–1593.
49. *Law D. S.* Why has judicial review failed in Japan // *Washington University Law Review*. 2010. Vol. 88. Pp. 1425–1466.
50. *Milgate M.* Equilibrium: Development of the Concept // *The New Palgrave Dictionary of Economics* / associate editor G. Jones. 3d ed. London: Palgrave Macmillan, 2018. Pp. 3851–3857. <https://doi.org/10.1057/978-1-349-95189-5>.
51. *Mishan E. J. Quah E.* Cost-benefit analysis. London; New York: Routledge, 2007. 316 p.
52. *Mullender R.* Theorizing the third way: Qualified consequentialism, the proportionality principle, and the new social democracy // *Journal of Law and Society*. 2000. Vol. 27, Issue 4. Pp. 493–516.
53. *Myerson R. B.* Nash Equilibrium and the History of Economic Theory // *Journal of Economic Literature*. 1999. Vol. 37, Issue 3. Pp. 1067–1082.
54. *Oxford handbook of U.S. judicial behavior* / ed. L. Epstein, S. A. Lindquist. New York: Oxford University Press, 2017. 595 p.
55. *Petrażycki L.* Law and morality. Cambridge: Harvard University Press, 1955. 335 p.
56. *Pinello D. R.* Linking Party to Judicial Ideology in American Courts: A Meta-Analysis // *The Justice System Journal*. 1999. Vol. 20. Issue 3. Pp. 219–254.
57. *Posner R. A.* Economic analysis of law. 3rd ed. Boston: Little, Brown, 1986. 666 p.
58. *Pound R.* A Survey of Social Interests // *Harvard Law Review*. 1943. Vol. 57, Issue 1. Pp. 1–39.
59. *Robinson R.* Cost-benefit analysis // *The BMJ*. 1993. Vol. 307. № 6909. Pp. 924–926.
60. *Rohr D. G.* The origins of social liberalism in Germany. Chicago: University of Chicago Press, 1963. 179 p.
61. *Sawer M.* The ethical state?: social liberalism in Australia. Carlton: Melbourne University Press, 2003. 224 p.
62. *Segal J. A., Cover A. D.* Ideological values and the votes of US Supreme Court justices // *American Political Science Review*. 1989. Vol. 83, Issue 2. Pp. 557–565.
63. *Shaffer R.* Pan-European Thought in British Fascism: The International Third Position and the Alliance for Peace and Freedom // *Patterns of Prejudice*. 2018. Vol. 52, Issue 1. Pp. 78–99.
64. *Stampe E.* Rechtsfindung durch Interessenwägung // *Deutsche Juristen-Zeitung*. 1905. Bd. 10. S. 713–719.
65. *Stuck H.* Subsumtion und Abwägung // *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 1998. Bd. 84, H. 3. S. 405–419.
66. *Sullivan K. M.* Post-liberal Judging: the Roles of Categorization and Balancing // *Universi-*

21. *Odintsova M. I.* *Ekonomicheskie dovody v Konstitutsionnom Sude: vozmozhnosti i granitsy ikh primeneniya* [Economic Reasoning in the Constitutional Court: Possibilities and Limits of Its Application]. *Ocherki konstitutsionnoy ekonomiki / otv. red. G. A. Gadzhiev* [Essays on the Constitutional Economics; ed. by G. A. Gadzhiev]. Moscow, 2009. Pp. 223–231. (In Russ.).
22. *Parsons T.* *O sotsial'nykh sistemakh* [On Social Systems]. Moscow, 2002. 830 p. (In Russ.).
23. *Parsons T.* *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow, 1998. 269 p. (In Russ.).
24. *Reusner M. A.* *Gosudarstvo* [State]. Pt. 2; Pt. 3. *Gosudarstvo i obshchestvo; Gosudarstvennye formy* [State and Society; State Forms]. Moscow, 1912. 291 p. (In Russ.).
25. *Sanzharevskiy I. I.* *Proportsional'nost' v sovremennykh sotsial'no-politicheskikh otnosheniyakh* [Proportionality in Modern Socio-Political Relations]. Saratov, 2004. 144 p. (In Russ.).
26. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* / sost. A. Yu. Mudrova [Dictionary of Synonyms of the Russian Language; comp. by A. Yu. Mudrova]. Moscow, 2009. 507 p. (In Russ.).
27. *Smith A.* *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow, 2007. 960 p. (In Russ.).
28. *Starodubtseva E. B., Lozovskiy L. Sh., Raysberg B. A.* *Sovremennyy ekonomicheskiy slovar'. 6-e izd.* [Modern Dictionary of Economics. 6th ed.]. Moscow, 2017. 512 p. (In Russ.).
29. *Syrunina T.* *Perspektivy i slozhnosti primeneniya sudami ekonomicheskogo analiza prava pri razreshenii sporov* [Perspectives and Challenges for Applying Economic Analysis in Judicial Practice]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 2011. Issue 4 (83). Pp. 79–90. (In Russ.).
30. *Timoshina E. V., Kraevskiy A. A., Salmin D. N.* *Metodologiya sudebnogo tolkovaniya: instrumenty vzveshivaniya v situatsii konkurentsii prav cheloveka* [Axiology of the Judicial Interpretation: Means of Weighing in the Situation of Competition of Human Rights]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 14. Pravo – Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2015. Issue 3. Pp. 4–34. (In Russ.).
31. *Troitskaya A.* *Mezhdistsiplinarnost' v sravnitel'nom konstitutsionno-pravovom issledovanii* [Interdisciplinary Approach in Comparative Constitutional Research]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 2017. Issue 5 (120). P. 57–77. (In Russ.).
32. *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Moscow, 1992. Issue 19. 254 p. (In Russ.).
33. *Etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* / sost. A. K. Shaposhnikov: v 2 t. [Etymological Dictionary of the Modern Russian Language; comp. by A. K. Shaposhnikov: in 2 vols.]. Moscow, 2010. Vol. 1. 584 p. (In Russ.).
34. *Berkowitz P.* Constitutional Conservatism. *Policy Review*. 2009. Vol. 153. Pp. 3–22. (In Eng.).
35. *Blair T., Schröder G.* Europe: the Third Way / Die Neue Mitte. *The New Labour Reader*; ed. by A. Chadwick. Cambridge, 2003. Pp. 110–115. (In Eng.).
36. *Coase R. H.* The Problem of Social Cost. *The Journal of Law and Economics*. 1960. Vol. 3. Pp. 1–44. DOI:10.1086/466560. (In Eng.).
37. *Cost-Benefit Analysis*; ed. by R. Layard, St. Glaister. Cambridge, 1994. 497 p. (In Eng.).
38. *Dworkin R. M.* Is Wealth a Value? *The Journal of Legal Studies*. 1980. Vol. 9. Issue 2. Pp. 191–226. (In Eng.).
39. *Florida R.* The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. New York, 2002. 434 p. (In Eng.).
40. *George T. E., Weaver T. G.* The Role of Personal Attributes and Social Backgrounds on Judging. *The Oxford Handbook of U.S. Judicial Behavior*; ed. by L. Epstein, St. A. Lindquist. New York, 2017. Pp. 286–339. (In Eng.).
41. *Giddens A.* The Third Way and Its Critics. Cambridge, 2000. 189 p. (In Eng.).
42. *Giddens A.* The Third Way: the Renewal of Social Democracy. Malden, 1999. 166 p. (In Eng.).
43. *Heck P.* Gesetzesauslegung und Interessenjurisprudenz. *Archiv für die civilistische Praxis*. 1914. Vol. 112. Issue 1. Pp. 1–318. (In Germ.).
44. *Hunt I.* Liberal Socialism: An Alternative Social Ideal Grounded in Rawls and Marx. Lanham, 2015. 182 p. (In Eng.).
45. *Jakobs M. Ch.* Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit. Mit einer exemplarischen Darstellung seiner Geltung im Atomrecht. Cologne, 1985. 243 p. (In Germ.).
46. *Kennedy D.* Cost-Benefit Analysis of Entitlement Problems: A Critique. *Stanford Law Review*. 1981. Vol. 33. Issue 3. Pp. 387–445. (In Eng.).
47. *Kühn Z.* Worlds Apart: Western and Central European Judicial Culture at the Onset of the

ty of Colorado Law Review. 1992. Vol. 63. Pp. 293–317.

67. Toward a General Theory of Action / ed. T. Parsons, E.A. Shils. Cambridge: Harvard University Press, 1951. 506 p.

68. *Vofskuhle A.* Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit // Juristische Schulung. 2007. Bd. 47, H. 5. S. 429–431.

References

1. *Abercrombie N. Sotsiologicheskii slovar' / N. Abercrombie, S. Hill, B.S. Turner.* 2-e izd. [Sociology Dictionary; N. Abercrombie, S. Hill, B.S. Turner. 2nd ed.]. Moscow, 2004. 620 p. (In Russ.).

2. *Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakticheskiy spravochnik. 11-e izd.* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language: Practical Guide. 11th ed.]. Moscow, 2001. 568 p. (In Russ.).

3. *Antonov M. V. O nekotorykh teoreticheskikh problemakh primeneniya ekonomicheskogo analiza prava v Rossii* [On Some Theoretical Problems for Applying Economic Analysis in Russian Law]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics.* 2011. Issue 3. Pp. 10–25. (In Russ.).

4. *Blankenagel A. O skrytoy pol'ze sravnitel'nogo pravovedeniya i sravnitel'nogo konstitutsionnogo prava* [On the Hidden Benefits of Comparative Jurisprudence and Comparative Constitutional Law]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review.* 2004. Issue 3 (48). Pp. 51–52. (In Russ.).

5. *Bol'shoye tolkovyye slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov* [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language; ed. by S. A. Kuznetsov]. St. Petersburg, 2000. 1534 p. (In Russ.).

6. *Vasil'eva S. V. Ne doveryayte sozdanie zakona cheloveku, kotoryy khochet provesti v nem tol'ko svoi egoisticheskie interesy!* [Do not Entrust Law-Making to a Person Who Wants to Pursue Only His Selfish Interests!]. *Metodologiya poiska (vybora) optimal'nykh pravovykh resheniy / pod nauch. red. M. V. Vilisova, I. Yu. Kolesnik, M. Netesova i dr.* [Methodology for Searching (Selecting) Optimal Legal Solutions; ed. by M. V. Vilisov, I. Yu. Kolesnik, M. Netesov et al.]. Moscow, 2012. Issue 1–2. Pp. 116–119. (In Russ.).

7. *Gadzhiev G. A. Predmet konstitutsionnoy ekonomiki* [The Scope of Constitutional Economics]. *Ocherki konstitutsionnoy ekonomiki / otv. red. G. A. Gadzhiev* [Essays on Constitutional

Economics; ed. by G. A. Gadzhiev]. Moscow, 2009. Pp. 37–91. (In Russ.).

8. *Golovko L. V. Pravovaya nauka protiv social sciences: kakim dolzhen byt' rossiyskiy vybor?* [Legal Science against Social Sciences: what should Russia Choose?]. *Zakon – ZAKON.* 2014. Issue 12. Pp. 32–43. (In Russ.).

9. *Golubok S. A. Rossiyskoe pravosudie po evropeyskim standartam. Retsenziya na knigu Burkova A. L. Konventsia o zashchite prav cheloveka v sudakh Rossii (M.: Volters Kluver, 2010)* [Russian Justice under the European Standards. Book Review: Burkov A. L. Convention on the Protection of Human Rights in the Courts of Russia (Moscow: Wolters Kluver, 2010)]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review.* 2010. Issue 5 (78). Pp. 172–174. (In Russ.).

10. *Dahl V. Tolkovyye slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4-kh t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols.]. Moscow, 2006. Vol. 4. 672 p. (In Russ.).

11. *Evseev A. P. Psikhologiya konstitutsionnogo sudoproizvodstva: monografiya* [The Psychology of Constitutional Proceedings: Monograph]. Kharkov, 2013. 230 p. (In Russ.).

12. *Eryshev A. A., Lukashevich N. P., Slastenka E. F. Logika. 3-e izd.* [Logic; A.A. Eryshev, N. P. Lukashevich, E. F. Slastenka. 3rd ed.]. Kiev, 2000. 184 p. (In Russ.).

13. *Kak sud'i prinyimayut resheniya: empiricheskie issledovaniya prava / pod red. V. V. Volkova* [How Judges Make Decisions: Empirical Studies of Law; ed. by V. V. Volkov]. Moscow, 2012. 368 p. (In Russ.).

14. *Karapetov A. G. Ekonomicheskii analiz prava* [Economic Analysis of Law]. Moscow, 2016. 528 p. (In Russ.).

15. *Kokotov A. N. Konstitutsiya i obshchestvo: balans interesov* [Constitution and Society: Balance of Interests]. *Chinovnik – Civil Servant.* 2003. Issue 6. Pp. 15–21. (In Russ.).

16. *Kulikov E. A. Kategoriya mery v prave: voprosy teorii.* Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Concept of Measure in Law: Theoretical Issues: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2013. 26 p. (In Russ.).

17. *Kurbatov A. Ya. Konstitutsionnyy sud RF: problemy s kompetentsiyey trebuyut resheniya* [Constitutional Court of the Russian Federation: Competence Problems Need to Be Solved]. *Zakon – ZAKON.* 2011. Issue 8. Pp. 115–122. (In Russ.).

18. *Lopatin V. V., Lopatina L. E. Russkiy tolkovyy slovar'* [Russian Explanatory Dictionary]. Moscow, 2000. 831 p. (In Russ.).

European Enlargement. *The American Journal of Comparative Law.* 2004. Vol. 52. Issue 3. Pp. 531–567. (In Eng.).

48. *Law D.S.* The Anatomy of a Conservative Court: Judicial Review in Japan. *Texas Law Review.* 2009. Vol. 87. Issue 7. Pp. 1545–1593. (In Eng.).

49. *Law D.S.* Why Has Judicial Review Failed in Japan. *Washington University Law Review.* 2010. Vol. 88. Pp. 1425–1466. (In Eng.).

50. *Milgate M.* Equilibrium: Development of the Concept. *The New Palgrave Dictionary of Economics*; ed. by Macmillan Publishers Ltd. 3rd ed. London, 2018. Pp. 3851–3857. Available at: <https://doi.org/10.1057/978-1-349-95189-5>. (In Eng.).

51. *Mishan E. J., Quah E.* Cost-Benefit Analysis. London, 2007. 316 p. (In Eng.).

52. *Mullender R.* Theorizing the Third Way: Qualified Consequentialism, the Proportionality Principle, and the New Social Democracy. *Journal of Law and Society.* 2000. Vol. 27. Issue 4. Pp. 493–516. (In Eng.).

53. *Myerson R.B.* Nash Equilibrium and the History of Economic Theory. *Journal of Economic Literature.* 1999. Vol. 37. Issue 3. Pp. 1067–1082. (In Eng.).

54. *Oxford Handbook of U.S. Judicial Behavior*; ed. by L. Epstein, S. A. Lindquist. New York, 2017. 595 p. (In Eng.).

55. *Petrażycki L.* Law and Morality. Cambridge, 1955. 335 p. (In Eng.).

56. *Pinello D. R.* Linking Party to Judicial Ideology in American Courts: A Meta-Analysis. *The Justice System Journal.* 1999. Vol. 20. Issue 3. Pp. 219–254. (In Eng.).

57. *Posner R. A.* Economic Analysis of Law. 3rd ed. Boston, 1986. 666 p. (In Eng.).

58. *Pound R. A.* Survey of Social Interests. *Harvard Law Review.* 1943. Vol. 57. Issue 1. Pp. 1–39. (In Eng.).

59. *Robinson R.* Cost-Benefit Analysis. *The BMJ.* 1993. Vol. 307. Issue 6909. Pp. 924–926. (In Eng.).

60. *Rohr D. G.* The Origins of Social Liberalism in Germany. Chicago, 1963. 179 p. (In Eng.).

61. *Sawer M.* The Ethical State?: Social Liberalism in Australia. Carlton, 2003. 224 p. (In Eng.).

62. *Segal J. A., Cover A. D.* Ideological Values and the Votes of US Supreme Court Justices. *American Political Science Review.* 1989. Vol. 83. Issue 2. Pp. 557–565. (In Eng.).

63. *Shaffer R.* Pan-European Thought in British Fascism: The International Third Position and the Alliance for Peace and Freedom. *Patterns of Prejudice.* 2018. Vol. 52. Issue 1. Pp. 78–99. (In Eng.).

64. *Stampe E.* Rechtsfindung durch Interessenwägung. *Deutsche Juristen-Zeitung.* 1905. Vol. 10. Pp. 713–719. (In Germ.).

65. *Stuck H.* Subsumtion und Abwägung. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie.* 1998. Vol. 84. Issue 3. Pp. 405–419. (In Germ.).

66. *Sullivan K. M.* Post-Liberal Judging: the Roles of Categorization and Balancing. *University of Colorado Law Review.* 1992. Vol. 63. Pp. 293–317. (In Eng.).

67. Toward a General Theory of Action; ed. by T. Parsons, E. A. Shils. Cambridge, 1951. 506 p. (In Eng.).

68. *Vofskuhle A.* Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit. *Juristische Schulung.* 2007. Vol. 47. Issue 5. Pp. 429–431. (In Germ.).

References in Russia

1. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С.* Социологический словарь / Н. Аберкромби., 2-е изд. М.: Экономика, 2004. 620 с.

2. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 11-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 568 с.

3. *Антонов М. В.* О некоторых теоретических проблемах применения экономического анализа права в России // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2011. № 3. С. 10–25.

4. *Бланкенгель А.* О скрытой пользе сравнительного правоведения и сравнительного конституционного права // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2004. № 3 (48). С. 51–52.

5. *Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов.* СПб.: Норинт, 2000. 1534 с.

6. *Васильева С. В.* Не доверяйте созданию закона человеку, который хочет провести в нем только свои эгоистические интересы! // *Методология поиска (выбора) оптимальных правовых решений / под науч. ред. М. В. Вилисова, И. Ю. Колесник, М. Нетесова и др.* М.: Научный эксперт, 2012. Вып. 1–2. С. 116–119.

7. *Гаджиев Г. А.* Предмет конституционной экономики // *Очерки конституционной экономики / отв. ред. Г. А. Гаджиев.* М.: Юстицинформ, 2009. С. 37–91.

8. *Головко Л. В.* Правовая наука против social sciences: каким должен быть российский выбор? // *Закон.* 2014. № 12. С. 32–43.

19. Losev A. Mera [Measure]. *Filosofskaya entsiklopediya / pod red. F.V. Konstantinova. V 5 t.* [Encyclopedia of Philosophy; ed. by F.V. Konstantinov. In 5 vols.]. Moscow, 1964. Vol. 3. Pp. 389–394. (In Russ.).
20. Mill J. S. *Osnovy politicheskoy ekonomii* [Principles of Political Economy]. Moscow, 1981. Vol. 3. 447 p. (In Russ.).
21. Odintsova M. I. *Ekonomicheskie dovody v Konstitutsionnom Sude: vozmozhnosti i granitsy ikh primeneniya* [Economic Reasoning in the Constitutional Court: Possibilities and Limits of Its Application]. *Ocherki konstitutsionnoy ekonomiki / otv. red. G. A. Gadzhiev* [Essays on the Constitutional Economics; ed. by G. A. Gadzhiev]. Moscow, 2009. Pp. 223–231. (In Russ.).
22. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh* [On Social Systems]. Moscow, 2002. 830 p. (In Russ.).
23. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow, 1998. 269 p. (In Russ.).
24. Reusner M. A. *Gosudarstvo* [State]. Pt. 2; Pt. 3. *Gosudarstvo i obshchestvo; Gosudarstvennye formy* [State and Society; State Forms]. Moscow, 1912. 291 p. (In Russ.).
25. Sanzharevskiy I. I. *Proporsional'nost' v sovremennykh sotsial'no-politicheskikh otnosheniyakh* [Proportionality in Modern Socio-Political Relations]. Saratov, 2004. 144 p. (In Russ.).
26. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka / sost. A. Yu. Mudrova* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language; comp. by A. Yu. Mudrova]. Moscow, 2009. 507 p. (In Russ.).
27. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow, 2007. 960 p. (In Russ.).
28. Starodubtseva E. B., Lozovskiy L. Sh., Raysberg B. A. *Sovremennyy ekonomicheskiy slovar'*. 6-e izd. [Modern Dictionary of Economics. 6th ed.]. Moscow, 2017. 512 p. (In Russ.).
29. Syrunina T. *Perspektivy i slozhnosti primeneniya sudami ekonomicheskogo analiza prava pri razreshenii sporov* [Perspectives and Challenges for Applying Economic Analysis in Judicial Practice]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 2011. Issue 4 (83). Pp. 79–90. (In Russ.).
30. Timoshina E. V., Kraevskiy A. A., Salmin D. N. *Metodologiya sudebnogo tolkovaniya: instrumenty vzhivaniya v situatsii konkurentsii prav cheloveka* [Axiology of the Judicial Interpretation: Means of Weighing in the Situation of Competition of Human Rights]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 14. Pravo –*

- Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2015. Issue 3. Pp. 4–34. (In Russ.).
31. Troitskaya A. *Mezhdistsiplinarnost' v sravnitel'nom konstitutsionno-pravovom issledovanii* [Interdisciplinary Approach in Comparative Constitutional Research]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 2017. Issue 5 (120). P. 57–77. (In Russ.).
32. *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Moscow, 1992. Issue 19. 254 p. (In Russ.).
33. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka / sost. A. K. Shaposhnikov: v 2 t.* [Etymological Dictionary of the Modern Russian Language; comp. by A. K. Shaposhnikov: in 2 vols.]. Moscow, 2010. Vol. 1. 584 p. (In Russ.).
34. Berkowitz P. *Constitutional Conservatism. Policy Review*. 2009. Vol. 153. Pp. 3–22. (In Eng.).
35. Blair T., Schröder G. *Europe: the Third Way / Die Neue Mitte. The New Labour Reader*; ed. by A. Chadwick. Cambridge, 2003. Pp. 110–115. (In Eng.).
36. Coase R. H. *The Problem of Social Cost. The Journal of Law and Economics*. 1960. Vol. 3. Pp. 1–44. DOI:10.1086/466560. (In Eng.).
37. *Cost-Benefit Analysis*; ed. by R. Layard, St. Glaister. Cambridge, 1994. 497 p. (In Eng.).
38. Dworkin R. M. *Is Wealth a Value? The Journal of Legal Studies*. 1980. Vol. 9. Issue 2. Pp. 191–226. (In Eng.).
39. Florida R. *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. New York, 2002. 434 p. (In Eng.).
40. George T. E., Weaver T. G. *The Role of Personal Attributes and Social Backgrounds on Judging. The Oxford Handbook of U.S. Judicial Behavior*; ed. by L. Epstein, St. A. Lindquist. New York, 2017. Pp. 286–339. (In Eng.).
41. Giddens A. *The Third Way and Its Critics*. Cambridge, 2000. 189 p. (In Eng.).
42. Giddens A. *The Third Way: the Renewal of Social Democracy*. Malden, 1999. 166 p. (In Eng.).
43. Heck P. *Gesetzesauslegung und Interessenjurisprudenz. Archiv für die civilistische Praxis*. 1914. Vol. 112. Issue 1. Pp. 1–318. (In Germ.).
44. Hunt I. *Liberal Socialism: An Alternative Social Ideal Grounded in Rawls and Marx*. Lanham, 2015. 182 p. (In Eng.).
45. Jakobs M. Ch. *Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit. Mit einer exemplarischen Dar-*

- 9. Голубок С. А. Российское правосудие по европейским стандартам // Сравнительное конституционное обозрение*. 2010. № 5 (78). С. 172–174. Рец. на кн.: Бурков А. Л. Конвенция о защите прав человека в судах России. М.: Волтерс Клувер, 2010.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4: Р–Я. М.: РИПОЛ классик, 2006. 672 с.
11. Евсеев А. П. Психология конституционного судопроизводства: монография. Харьков: Юрайт, 2013. 230 с.
12. Ерышев А. А., Лукашевич Н. П., Слостенко Е. Ф. *Логика*. 3-е изд. Киев: МАУП, 2000. 184 с.
13. Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В. В. Волкова. М.: Статут, 2012. 368 с.
14. Каранетов А. Г. *Экономический анализ права*. М.: Статут, 2016. 528 с.
15. Кокотов А. Н. Конституция и общество: баланс интересов // *Чиновник*. 2003. № 6. С. 15–21.
16. Куликов Е. А. Категория меры в праве: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 26 с.
17. Курбатов А. Я. Конституционный суд РФ: проблемы с компетенцией требуют решения // *Закон*. 2011. № 8. С. 115–122.
18. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. *Русский толковый словарь*. М.: Рус. яз., 2000. 831 с.
19. Лосев А. Мера // *Философская энциклопедия / под ред. Ф. В. Константинова: в 5 т. М.: Сов. энцикл., 1964. Т. 3. С. 389–394.*
20. Милль Дж. Ст. *Основы политической экономии*. М.: Прогресс, 1981. Т. 3. 447 с.
21. Одицова М. И. *Экономические доводы в Конституционном Суде: возможности и границы их применения // Очерки конституционной экономики / отв. ред. Г. А. Гаджиев. М.: Юстицинформ, 2009. С. 223–231.*
22. Парсонс Т. *О социальных системах*. М.: Акад. Проект, 2002. 830 с.
23. Парсонс Т. *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс, 1998. 269 с.
24. Рейснер М. А. *Государство. Ч. 2, ч. 3: Государство и общество; Государственные формы*. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1912. 291 с.
25. Санжаревский И. И. *Пропорциональность в современных социально-политических отношениях*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 144 с.
26. *Словарь синонимов русского языка / сост. А. Ю. Мудрова. М.: Центрполиграф, 2009. 507 с.*

27. Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
28. Стародубцева Е. Б. *Современный экономический словарь*. 6-е изд. М.: ИНФРА-М, 2017. 512 с.
29. Сырунина Т. *Перспективы и сложности применения судами экономического анализа права при разрешении споров // Сравнительное конституционное обозрение*. 2011. № 4(83). С. 79–90.
30. Тимошина Е. В., Краевский А. А., Салмин Д. Н. *Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14: Право*. 2015. № 3. С. 4–34.
31. Троицкая А. *Междисциплинарность в сравнительном конституционно-правовом исследовании // Сравнительное конституционное обозрение*. 2017. № 5 (120). С. 57–77.
32. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 19 (*mesaгь – *mozzakь)*. М.: Наука, 1992. 254 с.
33. *Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников: в 2 т. М.: Флинта: Наука, 2010. Т. 1. 584 с.*
34. Berkowitz P. *Constitutional conservatism // Policy Review*. 2009. Vol. 153. Pp. 3–22.
35. Blair T. *Europe: the third way / die neue Mitte / T. Blair; G. Schröder // The New Labour reader / ed. A. Chadwick. Cambridge: Polity Press, 2003. Pp. 110–115.*
36. Coase R. H. *The Problem of Social Cost // The Journal of Law and Economics*. 1960. Vol. 3. Pp. 1–44. DOI:10.1086/466560.
37. *Cost-benefit analysis / ed. R. Layard, St. Glaister. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1994. 497 p.*
38. Dworkin R. M. *Is wealth a value? // The Journal of Legal Studies*. 1980. Vol. 9, Issue 2. Pp. 191–226.
39. Florida R. *The rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life*. New York: Basic Books, 2002. 434 p.
40. George T. E. *The Role of Personal Attributes and Social Backgrounds on Judging / T. E. George, T. G. Weaver // The Oxford Handbook of U.S. Judicial Behavior / ed. L. Epstein, St. A. Lindquist. New York: Oxford University Press, 2017. Pp. 286–339.*
41. Giddens A. *The third way and its critics*. Cambridge, UK: Polity Press; Malden, MA: Blackwell Publishers, 2000. 189 p.

stellung seiner Geltung im Atomrecht. Cologne, 1985. 243 p. (In Germ.).

46. *Kennedy D.* Cost-Benefit Analysis of Entitlement Problems: A Critique. *Stanford Law Review*. 1981. Vol. 33. Issue 3. Pp. 387–445. (In Eng.).

47. *Kühn Z.* Worlds Apart: Western and Central European Judicial Culture at the Onset of the European Enlargement. *The American Journal of Comparative Law*. 2004. Vol. 52. Issue 3. Pp. 531–567. (In Eng.).

48. *Law D.S.* The Anatomy of a Conservative Court: Judicial Review in Japan. *Texas Law Review*. 2009. Vol. 87. Issue 7. Pp. 1545–1593. (In Eng.).

49. *Law D.S.* Why Has Judicial Review Failed in Japan. *Washington University Law Review*. 2010. Vol. 88. Pp. 1425–1466. (In Eng.).

50. *Milgate M.* Equilibrium: Development of the Concept. *The New Palgrave Dictionary of Economics*; ed. by Macmillan Publishers Ltd. 3rd ed. London, 2018. Pp. 3851–3857. Available at: <https://doi.org/10.1057/978-1-349-95189-5>. (In Eng.).

51. *Mishan E. J., Quah E.* Cost-Benefit Analysis. London, 2007. 316 p. (In Eng.).

52. *Mullender R.* Theorizing the Third Way: Qualified Consequentialism, the Proportionality Principle, and the New Social Democracy. *Journal of Law and Society*. 2000. Vol. 27. Issue 4. Pp. 493–516. (In Eng.).

53. *Myerson R.B.* Nash Equilibrium and the History of Economic Theory. *Journal of Economic Literature*. 1999. Vol. 37. Issue 3. Pp. 1067–1082. (In Eng.).

54. *Oxford Handbook of U.S. Judicial Behavior*; ed. by L. Epstein, S. A. Lindquist. New York, 2017. 595 p. (In Eng.).

55. *Petrażycki L.* Law and Morality. Cambridge, 1955. 335 p. (In Eng.)

56. *Pinello D. R.* Linking Party to Judicial Ideology in American Courts: A Meta-Analysis.

The Justice System Journal. 1999. Vol. 20. Issue 3. Pp. 219–254. (In Eng.).

57. *Posner R. A.* Economic Analysis of Law. 3rd ed. Boston, 1986. 666 p. (In Eng.).

58. *Pound R. A.* Survey of Social Interests. *Harvard Law Review*. 1943. Vol. 57. Issue 1. Pp. 1–39. (In Eng.).

59. *Robinson R.* Cost-Benefit Analysis. *The BMJ*. 1993. Vol. 307. Issue 6909. Pp. 924–926. (In Eng.).

60. *Rohr D. G.* The Origins of Social Liberalism in Germany. Chicago, 1963. 179 p. (In Eng.).

61. *Sawer M.* The Ethical State?: Social Liberalism in Australia. Carlton, 2003. 224 p. (In Eng.).

62. *Segal J. A., Cover A. D.* Ideological Values and the Votes of US Supreme Court Justices. *American Political Science Review*. 1989. Vol. 83. Issue 2. Pp. 557–565. (In Eng.).

63. *Shaffer R.* Pan-European Thought in British Fascism: The International Third Position and the Alliance for Peace and Freedom. *Patterns of Prejudice*. 2018. Vol. 52. Issue 1. Pp. 78–99. (In Eng.).

64. *Stampe E.* Rechtsfindung durch Interessenwägung. *Deutsche Juristen-Zeitung*. 1905. Vol. 10. Pp. 713–719. (In Germ.).

65. *Stuck H.* Subsumtion und Abwägung. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 1998. Vol. 84. Issue 3. Pp. 405–419. (In Germ.).

66. *Sullivan K. M.* Post-Liberal Judging: the Roles of Categorization and Balancing. *University of Colorado Law Review*. 1992. Vol. 63. Pp. 293–317. (In Eng.).

67. *Toward a General Theory of Action*; ed. by T. Parsons, E. A. Shils. Cambridge, 1951. 506 p. (In Eng.).

68. *Vofßkuhle A.* Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit. *Juristische Schulung*. 2007. Vol. 47. Issue 5. Pp. 429–431. (In Germ.).

42. *Giddens A.* The third way: the renewal of social democracy. Malden, Mass.: Polity Press, 1999. 166 p.

43. *Heck P.* Gesetzesauslegung und Interessenjurisprudenz // *Archiv für die civilistische Praxis*. 1914. Bd. 112, H. 1. S. 1–318.

44. *Hunt I.* Liberal socialism: an alternative social ideal grounded in Rawls and Marx. Lanham: Lexington Books, 2015. 182 p.

45. *Jakobs M. Ch.* Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit. Mit einer exemplarischen Darstellung seiner Geltung im Atomrecht. Köln: Heymann, 1985. 243 S.

46. *Kennedy D.* Cost-benefit analysis of entitlement problems: a critique // *Stanford Law Review*. 1981. Vol. 33. Issue 3. Pp. 387–445.

47. *Kühn Z.* Worlds apart: Western and Central European judicial culture at the onset of the European enlargement // *The American Journal of Comparative Law*. 2004. Vol. 52, Issue 3. Pp. 531–567.

48. *Law D. S.* The Anatomy of a Conservative Court: Judicial Review in Japan // *Texas Law Review*. 2009. Vol. 87, Issue 7. Pp. 1545–1593.

49. *Law D. S.* Why has judicial review failed in Japan // *Washington University Law Review*. 2010. Vol. 88. Pp. 1425–1466.

50. *Milgate M.* Equilibrium: Development of the Concept // *The New Palgrave Dictionary of Economics* / associate editor G. Jones. 3d ed. London: Palgrave Macmillan, 2018. Pp. 3851–3857. <https://doi.org/10.1057/978-1-349-95189-5>.

51. *Mishan E. J., Quah E.* Cost-benefit analysis. London; New York: Routledge, 2007. 316 p.

52. *Mullender R.* Theorizing the third way: Qualified consequentialism, the proportionality principle, and the new social democracy // *Journal of Law and Society*. 2000. Vol. 27, Issue 4. Pp. 493–516.

53. *Myerson R. B.* Nash Equilibrium and the History of Economic Theory // *Journal of Economic Literature*. 1999. Vol. 37, Issue 3. Pp. 1067–1082.

54. *Oxford handbook of U.S. judicial behavior* / ed. L. Epstein, S. A. Lindquist. New York: Oxford University Press, 2017. 595 p.

55. *Petrażycki L.* Law and morality. Cambridge: Harvard University Press, 1955. 335 p.

56. *Pinello D. R.* Linking Party to Judicial Ideology in American Courts: A Meta-Analysis // *The Justice System Journal*. 1999. Vol. 20. Issue 3. Pp. 219–254.

57. *Posner R. A.* Economic analysis of law. 3rd ed. Boston: Little, Brown, 1986. 666 p.

58. *Pound R. A.* Survey of Social Interests // *Harvard Law Review*. 1943. Vol. 57, Issue 1. Pp. 1–39.

59. *Robinson R.* Cost-benefit analysis // *The BMJ*. 1993. Vol. 307. № 6909. Pp. 924–926.

60. *Rohr D. G.* The origins of social liberalism in Germany. Chicago: University of Chicago Press, 1963. 179 p.

61. *Sawer M.* The ethical state?: social liberalism in Australia. Carlton: Melbourne University Press, 2003. 224 p.

62. *Segal J. A., Cover A. D.* Ideological values and the votes of US Supreme Court justices // *American Political Science Review*. 1989. Vol. 83, Issue 2. Pp. 557–565.

63. *Shaffer R.* Pan-European Thought in British Fascism: The International Third Position and the Alliance for Peace and Freedom // *Patterns of Prejudice*. 2018. Vol. 52, Issue 1. Pp. 78–99.

64. *Stampe E.* Rechtsfindung durch Interessenwägung // *Deutsche Juristen-Zeitung*. 1905. Bd. 10. S. 713–719.

65. *Stuck H.* Subsumtion und Abwägung // *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 1998. Bd. 84, H. 3. S. 405–419.

66. *Sullivan K. M.* Post-liberal Judging: the Roles of Categorization and Balancing // *University of Colorado Law Review*. 1992. Vol. 63. Pp. 293–317.

67. *Toward a General Theory of Action* / ed. T. Parsons, E.A. Shils. Cambridge: Harvard University Press, 1951. 506 p.

68. *Vofßkuhle A.* Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit // *Juristische Schulung*. 2007. Bd. 47, H. 5. S. 429–431.